

Протоиерей Иоанн Гончаров

Православие сегодня

записки приходского
священника

Протоиерей Иоанн Гончаров

Православие сегодня

*записки приходского
священника*

Москва
«Отчий дом»
2015

УДК 234
ББК 86.372
Г-65

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
(ИС Р14-417-1548)*

Просим благочестивых читателей помолиться
о здравии рабов Божиих Юрия, Алексея, Галины

Иоанн Гончаров, протоиерей

Г-65 Православие сегодня: Записки приходского священника. – М.: Отчий дом, 2015. – 160 с.

Вниманию читателя предлагается новая книга известного священника Самарской епархии протоиерея Иоанна Гончарова, которого за дар проповедничества называют Самарским златоустом. На страницах книги отец Иоанн размышляет над тем, что происходит с человеком в наши дни, какова сегодня церковная жизнь, как противостоять искушениям современного мира, как жить в простоте веры, чтобы заповеди Божии стали «хлебом жизни». Главная ценность книги в том, что ее автор — не богослов-теоретик, оторванный от реальной действительности, а пастырь, более 40 лет предстоящий у престола Божиего. Все, о чем пишет отец Иоанн, есть результат его собственного жизненного опыта.

Ныне отец Иоанн настоятельствует в храме в честь Казанской иконы Божией Матери села Новый Буян Красноярского района Самарской области. Он так говорит о себе: «Несмотря на многие скорби, постигшие мое окаянство, считаю себя счастливейшим человеком, ибо полагаю, что нет другой такой радости, как посильно служить Богу, поскольку в этом служении, как в “белом свете”, содержится вся радуга цветов служения людям».

УДК 234
ББК 86.372

ISBN 5-85280-142-9

© Макет, оформление —
издательство «Отчий дом», 2015

**«ЕДИНО ЖЕ ЕСТЬ
НА ПОТРЕБУ»**

КТО КАК ВЕРУЕТ

Вера наша — наша жизнь. Если в вере жизни нет, то как мы живем? Как «все». Другими словами, Господь даровал нам талант — веру, а мы, *завернув его в платок, зарываем в землю* (ср.: Лк. 19, 20; Мф. 25, 18).

Но кто исповедует веру в Бога, тот обязан отличаться от всех — в этом наше служение, в этом сила нашей веры. Сейчас талант, дарованный Богом, отнимается у нас, потому что вера наша не приносит плода. Чрезмерно заботясь о земном благополучии, мы пренебрегаем исполнением заповедей Божиих.

Раб лукавый (Мф. 25, 26) — в чем было лукавство раба? В том, что жизнь, полученную от Бога, он использовал только для себя (чаще неправедно), и в результате ее погубил. И суть лукавства — это совмещение несовместимого и оправдание этого деяния. Лукавство — сокровище дьявола (см.: Ин. 8, 44), а нам оно представляется «умом», и потому мы им дорожим. Такой ум, когда одно мы держим в уме и совсем другое «пишем», очень устраивает нас в повседневной жизни. Лукавый хитер в умении соединить то, что по своей при-

роде несоединимо. В любых обстоятельствах он выплывает на поверхность, не очень тяготясь обличением совести, которая у лукавого человека тоже лукава.

Лукавство — великий дьявольский соблазн, против которого редкий человек может устоять, и то не иначе, как с помощью Бога.

Почему лукавство — дьявольское сокровище? Оно нейтрализует все Божественные Заповеди и всякую возможную разумность. Лукавство определило вечную судьбу лукавого и то же самое сделает с нами, если мы вовремя с ним не расстанемся.

Сегодня искушения возросли невероятно. Внешняя привлекательность жизни так поглотила внимание человека, что он любыми путями стремится иметь это видимое. Искушения усовершенствовались, а зрение, слух и разум в грехолюбивом человеке поизносились... Тяга людей к предпочтению внешнего столь сильна, что стала почти всеобщей.

Соблазны и искушения переступают и порог Святой Церкви, и Церковь вводит в круговорот лукавых справедливостей, обессиливают ее всеобщностью греха — уступая, опрощая, поддаваясь внешнему искушению как жизненной правде. Секулярные тенденции современной жизни внушают нам именно такую возможность, указывая на примеры западных церквей. А мы и рады совместить веру в Бога и безнравственную жизнь. Но это же невозможно, это самообман.

В Православии есть такой афоризм: «Нравственность без веры в Бога невозможна, а вера в Бога без нравственности не нужна». Искушения и соблазны, как бы велики и значительны они ни были, являются все-таки ложью. А Православие, несмотря на всеобщность соблазнов, свидетельствует Истину. И сегодняшнее, все нарастающее дьявольское напряжение стремится отторгнуть людей от Церкви. Но ложь — это то, чего не существует, и все, кто сроднятся с ложью, уйдут в небытие.

Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти? (Рим. 7, 24). Для Бога — это просто. Сложности существуют только в нас, желающих совместить, отчаянно пытающихся совместить службу *двум господам: Богу и маммоне* (ср.: Мф. 6, 24). Но нам все равно придется выбирать. Бога обмануть невозможно, мы исподволь обманываем себя. Отсюда — полное духовное расстройство и утрата жизненной веры.

Вот о чем нужно размышлять, а не о том, как сохранить себя и свое благополучие в новых условиях. Новые условия — это испытание нашей веры, с которой мы (как думаем) много лет живем в Церкви. Пришло время экзаменов... А мы не готовы... И вера наша, выходит, не настоящая, и упование нарисованное, и любовь лицемерная. Была только форма, в которой хранилось воображаемое.

Суть смысла жизни — в вере: «кто как верует». Это главный вопрос жизни, все остальное — его расшифровка. А мы, как дети. Только затянувшееся наше детство сделало нас лукавыми.

Лукавство срослось с нашей совестью, и мы не можем их разделить. Мы доверчивы, как дети, но только там, где нам выгодно; мы неразумны в вере, но сообразительны в приспособленчестве, при случае можем и верой пренебречь, и совестью, лишь бы маммона не нахмурился. И в таком нашем состоянии что можем ждать от себя? Вот мы и боимся, и правильно делаем — есть чего бояться...

С лукавством, как оно нам ни дорого, придется расстаться. Нужно войти в серьезные испытания совести, неотъемлемой частью которой стало лукавство. И если у нас получится, то это будет «воскресение из мертвых». С такой радостью не может сравниться никакое земное благополучие. А оно, кстати, в сегодняшнем богоборческом мире ни для кого не возможно.

ДОБРО И ЗЛО

Человек часто стремится превратить понятия добра и зла в относительные, используя неисчерпаемые возможности свободы воли и лукавства. Он очень хочет устроить жизнь по-своему, то есть внести поправки в Закон Божий, и разумность человека в этом предводительствует. Разумность как бы показывает очевидность такой необходимости. Поэтому Господь и ограничил возможности разума совестью.

Добро и зло — самые точные ориентиры в житейском море. Различение этих понятий охраняет нашу жизнь и утверждает надежду на вечное спасение. Если это чутье «утопить», то человек перестает быть личностью, при этом совершенно исчезают значимость и радость жизни.

Различение понятий добра и зла — основа взаимоотношений человека с Богом — держит в напряжении чувство ответственности, утесняет нашу плоть, умиряет страсти, углубляя свободу духа. В процессе различения добра и зла зарождается личность. Личность же взыскует Бога, ибо Бог для личности, как вода для рыбы. Правильно нравственно развиваясь, она будет искать Бога —

и в определенный момент придет в Православие, где Бог и человек встречаются.

Относительность понятий добра и зла делает хаотичной жизнь человека, обессиливает и обесмысливает его ум. Внутренний, настоящий человек становится не востребуемым. Размывание понятий добра и зла стирает границы между светом и тьмой, между жизнью и смертью. Противоестественность, бессмысленность становятся жизнью, жизнь, получается, дана для смерти, а разум для бессмыслия. А этого не может быть.

Стирание граней между добром и злом разрушает естественный порядок жизни. Клевета, что добро может быть злом; клевета, что зло может быть добром. Все это — «акробатика» понятий, миражи дьявольских мечтаний с целью лишения человека всяких ориентиров в самом главном жизненном пространстве — нравственном, где душа человека встречается с Истинным и Вечным Добром. Клевета внедряется в наше сознание для того, чтобы эта встреча не произошла, что при наличии свободы воли человека вполне возможно.

В ночи сегодняшних неправд, клеветы, извращений, в угаре все смывающих страстей для тех, кто уважает жизнь и любит Бога, всегда, ныне и присно горит маяк Православной веры.

«СВЕТИЛЬНИК ТЕЛА ЕСТЬ ОКО»

Светильник тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло; если же око твоё будет худо, то все тело твоё будет темно (Мф. 6, 22–23).

Вот этими словами Священное Писание говорит нам о нашей совести, ибо око души — это совесть. Если совесть чиста, то око наше светло будет, а если совесть темна, то и живём во мраке.

Светлое око — это доброе око, зрящее на мир. Вот — человек великодушный, благостный. Понимая жизнь, он все старается видеть с доброй стороны и, даже видя плохое, многое в нём оправдывает; встречается со злом и не озлобляется; видит немощи человеческие и не превозносится. Тем сохраняет мир своей души. В таком состоянии он легко и просто воспринимает превратности жизни, и сердце его всегда радуется... Потому что он верует, что везде, во всем присутствует Бог, Свет вечности озаряет его душу. Ведь если смотреть на превратности жизни светлым оком, то восчувствуешь благую Господню руку, воспитывающую нас. И когда мы оправдываем Промысл Божий, тогда скорби и боли превращаются в благость

и радость, как поется в Акафисте Божией Матери: «...печаль нашу в радость претворяющая».

Человек с темным оком смотрит на жизнь тревожно. Как бы солнце ни светило, как бы ни было все благополучно вокруг, внутри что-то мешает ему жить, мучает его. Это свет не озаряет его душу, и потому заботы, страхи, опасения сковывают ее. И это — наследие грешников. Все от грехов, от их накопления и превращения. Око человека темнеет от соделанного зла.

Святитель Василий Великий говорил, что то зло, которое человек носит в себе, прежде всего съедает его самого: завистливый изнуряет себя завистью, гордый — гордыней, злой — злобой¹. Он мучается сам — скорбит, ропщет. Он мучает окружающих его людей, подчас дорогих ему и любимых. Вот это и есть темное око.

Но лукавый человек с лукавым оком всегда ищет, как себя оправдать. Его аргументы для него очень значимы, и он, опираясь на свой ум, досаждает на жизнь и обвиняет других, а подчас — и самого Бога. Хотя мы свободны и сами определяем течение своей жизни, а в глубине сердца нашего Дух Святой тклет нам вечную жизнь. От того, какой мы выбираем путь, Он утверждает нашу радость или отнимает ее. Если человек терпеливо ко всему относится, если он благим, светлым оком смотрит на жизнь, на себя, на людей и благодарит Бога, то Дух Святой невидимо утешает

¹ *Василий Великий, свт.* Беседа 10: На гневливых; Беседа 11: О зависти // Творения. Ч. IV. М., 1993 (репр. 1846). С. 164; 179.

его сердце. И это утешение покрывает все горести и извещает человека, что он идет правильным путем, что он живет в Боге и что радость его, постоянно возрастая, перерастет в вечную радость вечного спасения.

Посему человек, который ищет Бога, ищет смысл своей жизни, светлые чистые пути и кается в грехах, — это счастливый человек, несмотря ни на что. Ибо в этом состоит суть и счастье святости. А мы все к этому призваны — святые и грешные, сильные и слабые, волевые и безвольные... Бог любит всех и всем дает возможность жить преблагополучно, полагая смысл и радость нашей жизни в нашем светлом оке.

ЕВХАРИСТИЯ В ЖИЗНИ

Любовь и дружба есть хлеб и радость жизни.

Любовь, дружба делают человека человечнее, сильнее, возвышают душу и, самое главное, соединяют его с Богом. Настоящая вера начинается с доверия к Богу и с доверия друг к другу. Все преодолевая, все терпя ради Бога, мы спасаем себя и своих. Сказано: *где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20). Но чтобы обрадовать свое сердце дружбой, нужно проявить особое внимание к ближнему, особую жертвенность, особое терпение, особое смирение, ибо все ценное в жизни требует от человека напряженного труда.

Таинство Евхаристии — пример предела всех земных притяжений. Благодаря ей мы на время становимся вечными, соединяясь между собой и с Богом. Нужно сохранять Евхаристию в жизни. Наверное, для того она так часто совершается в храме, чтобы больше ее было в душе. Благодаря ей мы «уходим» от всего земного, становимся лучше. И это нужно в себе постоянно развивать, начиная жертвовать собой, своим. В сегодняшнее время разрушения духовности нам это особенно

необходимо, и никакая жертва самолюбия здесь не будет чрезмерной, а без этой жертвы ни дружбы, ни, тем более, любви не бывает.

Нетрудно заметить усилия дьявола, направленные на то, чтобы лишить человека этих двух опор человеческого духа. Дьявол разрушает доверие к Богу и друг к другу, сея разномыслие. А Евангелие поднимает нас над раздорами, показывая нам Новое небо и Новую землю.

Любовь и дружба и есть настоящий плод нашей жизни, который Господь ожидает от нас. Нам нужно понять, ощутить необходимость этого для спасения души. Преподобный Макарий Египетский говорил своим собратиям: нам Бог все простит, *если будем иметь любовь между собою* (Ин. 13, 35)¹. Или вот из размышлений отца Иоанна Кронштадтского: любовь слабых делает сильными...² В любовь, в дружбу мы убегаем как во «внутреннюю пустыню» от разрушительных соблазнов мира. Естественно, что это непросто. Все серьезное в жизни простым не бывает, *Царствие небесное нудится* (Мф. 11, 12). И когда человек трудится, то Бог помогает. Господь растит хлеб жизни, делает невозможное возможным (см.: Мк. 10, 27).

Единение в Боге — это огромная созидательная и охранительная сила, открывающая человеку непостижимые глубины духовного познания.

¹ *Макарий Египетский, прп.* Духовные беседы. Беседа 3 // Духовные беседы, послание и слова. М.: Отчий дом, 2013. С. 52; и др.

² *Сурский И.К.* Отец Иоанн Кронштадтский. М.: Отчий дом, 2011. С. 21.

Когда мы это поймем и искренне этого захотим, Господь соберет нас и Сам подарит нам любовь и дружбу.

О, если бы мы могли восчувствовать в полной мере радость общения в любви и дружбе (а душевная тяга людей друг к другу природна), мы бы благословили все житейские испытания, которые подарили нам ее. Как правило, она, настоящая, зарождается в беде. В беде, в скорбях раскрываются сердца друг ко другу.

Сегодняшнее время, время нравственных тупиков, порождает много вопросов относительно дальнейшей нашей жизни, нашего спасения. Думается, что все эти трудности попущены Богом для нашего исправления, для уразумения *о едином на потребу* (Лк. 10, 42), чтобы в этом разрушающемся мире созидать свою душу. Эти трудности — для раскрытия наших духовных возможностей, для выявления глубинных слоев нашей души, где сокрыты сокровища Божественного образа, которым мы должны жить.

Но не живем... И если наши духовные возможности останутся нераскрытыми, то это будет для нас вечным временем вечных сожалений о бесплодно прожитой жизни.

СЛЕПОТА УМА

Присутствуя на богослужении, мы постоянно слышим прошения к Богу: просим послать Ангела хранителя, просим споспешествования Благодати в добрых делах, избавления от скорбей, кончины благовременной и приличной...¹

Вот к этим прошениям хочется добавить: Господи, да прозрю!

В Евангелии мы читаем, как Господь шел в Иерихон, за ним двигалась толпа людей. А у дороги сидел слепой человек, который, услышав шум проходящих, спрашивает: «Что это такое?» Ему отвечают: «Иисус Назорей идет». И тогда он стал кричать: «Иисус, сын Давидов, помилуй меня!» А его утихомиривали, мол, что шумишь. Но он продолжал кричать еще громче: «Иисус-наставник, помилуй меня!» Что творилось в душе слепого, когда удалялась от него внезапно вспыхнувшая надежда?! Но Господь остановился. Привели слепого. «Что ты хочешь?» — «Господи, чтобы мне прозреть!» И прозвучали дивные слова, какие каждый из нас хотел бы услышать в оное время:

¹ См.: Ектения просительная, из последования вечерни и Божественной литургии.

«Вера твоя спасла тебя, иди с миром». И слепой стал видеть. (См.: Мк. 10, 46–52.)

Жуткая вещь — слепота. А мы в ней живем всю жизнь. Ведь одно дело — не видеть глазами, и совсем другое — быть слепым умом: не понимать, не ощущать реальности жизни своей души. Вот почему мы не умеем каяться, вот почему мы, не понимая друг друга, постоянно живем в напряженных отношениях — мы духовно слепы.

А еще есть сугубая слепота, когда слепой умом человек не хочет видеть своей слепоты, думает, что он видит, и хорошо видит, являя это в самодовольстве. Он спокоен в своем неведении. Сидит себе у дороги жизни и не замечает проходящего мимо Христа.

Великой силы это поучение. Нужно вдуматься в эту ситуацию, чтобы понять, восчувствовать ее.

Ну, какая это жизнь, сидя слепым у дороги, просить милостыню? Какая жуткая зависимость от всего и от всех. Слепота слепого есть состояние современного человека, не знающего ничего о нормальной духовной жизни, пренебрегающего духовной традицией Православия, которое есть изобилие духовных прозрений, неисследимое богатство для каждой души, открывающей оное для себя.

Ведь то, как мы живем, — это не жизнь. Душа находится в страшной зависимости от плоти, от страстей и пристрастий, последствия которых тяжело переживает каждый из нас. Ложь, суетность, в чем утвердили мы сердце свое, опекают нашу слепоту. Нежелание всерьез и по-настоящему

осмыслить свою жизнь делают ее в духовном отношении крайне тяжелой.

Вот Евангелие и хочет вызвать в нас недоуменные вопросы о себе самих: почему, почему мы молчим, почему не просим, почему не хотим задавать себе вопросов и честно отвечать на них, чтобы разбудить свое слепое сердце, исцелить слепоту ума, чтобы ощутить Бога, Его благодать, жить настоящей, реальной жизнью, которую Бог предоставляет каждому из нас.

Ведь если у слепца была вынужденная слепота, то у нас она добровольная. Слепой хотел прозреть, а мы не хотим, мы боимся, боимся утратить привычный образ жизни и потому не просим. Мы предпочитаем болото лжи и, погрузившись в эту теплую жижу, проживаем краткие и окайнные дни своего существования.

А ведь мы умные люди, Бог даровал нам разум и совесть. Потому-то мы стоим перед необходимостью прозреть, ибо от того, как мы проживем наше время, зависят и наша вечная судьба, и судьбы тех, кто идет за нами.

БОЖЕСТВЕННОЕ ОТКРОВЕНИЕ

Божественные совершенные Истины открываются грешному, несовершенному человеку и, естественно, преломляются в нем по-человечески.

Божественные Откровения (Священное Писание и Священное предание) — богочеловеческий процесс. Благодатные Божественные озарения, преломляясь через человеческую ограниченность, несут на себе следы человеческих немощей, иначе многое было бы непонятно. И усвоение Божественного Откровения происходит по мере одухотворения самого человека.

Благодать Святого Духа больше говорит сердцу, по-детски открытому. Великодушное, бесхитростное восприятие Истин Откровения выводит человека в реальности вечного порядка. Но чтобы увидеть Божественное, нужно понять все стропотное¹, человеческое и им пренебречь. Так, сознание ребенка, погружаясь в мир чудесного, пренебрегает частностями. Ребенок вообще о них не думает, а если он будет о них думать, то у него заяц в варежку не залезет, тем более — лиса и волк. То есть

¹ Стрѹпотный (*церк.-слав.*) — кривой, развращенный, непотребный, непорядочный.

верою своего сердца он входит в мир иных отношений, где все возможно, и дружба делает потерянную варезку домом для всех. В этом — суть Евангельской веры, для которой ничего невозможного нет. И вещи, и мир, и жизнь преобразуются, если смотреть на них в свете Божественного Откровения. И это есть тайна веры или таинство веры, преобразующей мир и человека.

Буква убивает, дух животворит (2 Кор. 3, 6). Метод познания Бога должен быть иной, нежели метод познания мира. Земля — это одно, небо — совсем другое. И Откровение Священного Писания — небо на земле, в этом его уникальность. И что в душе человека преодолевает, так он все и понимает. Если нет в нем небесных разума, устремления, ощущений и он целиком поглощен земным, то он и видит в Откровении одну человеческую немощь. А если сердце влечется к иному, ищет настоящего, слышит иную музыку в сердце своем, то он и не замечает человеческих немощей или дает им правильную оценку, соответствующую всему земному. Не требует от земли небесного. Это ему и неважно — он видит вечное, духовное, Божественное, и оно наполняет его и радует. Ибо в каждом сердце заложено стремление к идеальному, совершенному. Живет в сердце каждого человека предощущение существования идеала.

А человеческое — оно и есть человеческое. Так, если человек приходит в храм к Богу, то он не замечает, что в нем «не так», ибо где люди, там всегда и их немощи. А многие, видя беспорядок, соблазняются и уже храма не видят.

Откровение — это цельная жизнь в полноте, оно постигается цельным сознанием, которое воспринимает его с восхищением. Что такое стихи, прочитанные по слогам? В стихах — дух, который едва привязан к словам.

Божественное Откровение дается искреннему, простому сердцу, которое с радостью воспринимает жизнь и, помимо всяких неприятных мелочей, видит ее суть. Радость этого видения покрывает в ней то, что несовершенно, что еще не одухотворено, что ждет своего преображения, которое обещано Богом и произойдет в свое время, и что нужно терпеливо ждать, смиряться и любить. А некий залог этого преображения есть в Откровении небесного, где уже ничего стропотного нет, все одухотворено.

Откровение Священного Писания — это таинственное звучание, которое зовет к себе все достойное вечности, и само оно открывается тому, кто ищет Бога. И не открывается тому, кто ищет чего-то другого. Какие верные слова сказал один умный писатель: «Если ты не выбрал Бога, то все равно, что ты выбрал и почему».

Каждый любит то, что хочет, и то, что любит, он считает достойным его любви. Каждый человек сам выбирает и оценивает себя и свою жизнь. Он сам над собой творит суд, а Священное Писание — *тот самый Камень, Который отвергли строители*, но Который стал *во главу угла* (ср.: Мф. 21, 42).

Все на Нем и проверяется, Он — абсолютный эталон качества жизни.

Священное Писание — это Христос, и сегодня ходящий между нами. Путь ко Христу — молитва, верующие за Ним ходят в Церковь, и Он дает им Свою Плоть и Кровь, возжигая в их сердцах огонь Благодати, который претворяет земное в небесное. Когда так бывает, тогда человек благодарит Бога за все — и за болезни, и за скорби, понимая, что совершается преображение его жизни, устраивается его переход из времени в вечность. И он терпит все с радостью, ибо интуицией своей веры созерцает себя преображенным.

НЕПОВРЕЖДЕННАЯ ПРОСТОТА

Итак, наблюдайте, как вы слушаете: ибо, кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь (Лк. 8, 18).

Вот в этом все — как слушать Евангелие.

А как слушать? Просто, доверчиво, открытым сердцем, как дети слушают... и верят взрослым. Живые Евангельские слова, попадая в открытое сердце, животворят его. Но сложность жизни заключается в том, что простота веры — это совсем непросто.

Что есть простота веры? Это духовная цельность, когда человек любит то совершенство, в которое верует, что и позволяет живое слово воспринять живым сердцем. В Слове Божием сохраняется связь сказанного с существующим. И верующее сердце это так и воспринимает, а неверующее этой связи не ощущает и поэтому сомневается. Но если вера существует сама по себе, а жизнь — сама по себе, то это означает, что вера утратила свою цельность. И не приносят пользы слова, не растворенные верою слушающих.

Простота веры — это неповрежденность, первообразный лик, гармония, ощущение жизни и

мира в их идеальной красоте. Так только у детей бывает и, отчасти, у тех, кто сохраняет в себе детскость, то есть простоту веры (вот, наверное, почему верующих людей считают наивными, ибо для многих такая простота — забытое детство). А искренняя вера — это живая клетка, где все есть для жизни и развития.

Вот эта замечательная простота своей непосредственностью, неповрежденностью ощущает тайну Слова, пришедшего от Бога. Простота веры — это ее идеальное выражение, идеальное действие. И это ощущение есть высшее доказательство Божественности Евангельской проповеди!

Евангельские слова таинственны, они имеют свою «невидимую подводную» часть, которая в семь раз больше надводной. И «невидимую» часть можно узреть только в прозрачности вод, в тишине погоды сохраненным зрением простоты, ничем не возмущаемым.

А тот, кто замутил свое зрение лукавством, кто разделил себя желаниями своего сердца, удалив их от Бога, затуманил свое сознание сомнением, у того видимое закрыло собой невидимое. И сокрытая сущность слова — душа слова — осталась за дверьми сознания.

То есть кто утратил простоту восприятия жизни и мира, тот лишил себя ощущения радости вечной жизни, и потому на преодоление земного притяжения у него нет ни желания, ни сил. Сущность вечной жизни, душа жизни, спрятанная в сердце, остается не разгаданной. И жизнь не приносит плода.

«ПОБЕДА, ПОБЕДИВШАЯ МИР»

Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня имеет жизнь вечную. Я есмь хлеб жизни... (Ин. 6, 47–48); ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную... (ст. 54) и др. Какие странные слова! кто может это слушать? (Ин. 6, 60). Этими непонятными словами, о которых говорит апостол, Христос распахивает дверь в вечность (см.: Ин., гл. 6). И ее, вечности, животворный воздух пьянит голову, разум, угоревший в смертной атмосфере земных представлений. Как угоревший в помещении теряет сознание на свежем воздухе, так и разум отключается при встрече с вечностью.

Непонятными словами Христос опрокидывает ценность всех земных представлений, привычных и цепко держащих наш ум в плену державы смерти. И разум наш, с его земными понятиями, не может вместить вечность. *И никто к ветхой одежде не приставляет заплат из небеленой ткани... Не вливают также вина молодого в мехи ветхие (Мф. 9, 16, 17).*

Вера — единственный способ познания Царства Небесного, потому почти все Евангелие — это странные для разума глаголы, которые не

вмещаются в его мертвые представления: *А теперь ищите убить Меня, Человека, сказавшего вам истину... ищите убить Меня, потому что слово Мое не вмещается в вас (Ин. 8, 40, 37). Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить (Ин. 16, 12).* Вот — настоящая причина неприятия Христа и современным человеком.

Вера в Бога — это преодоление себя, это разрушение своей любимой цельности. Необходимость ее разрушения и озлобляет. *Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода (Ин. 12, 24).* И вот это сеяние и умирание в этой жизни невыносимо для непонимающих значения веры людей. И это непонимание есть грех, грех настоящий, грех краеугольный.

Хотя Христос убеждает человека и его языком: *Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самым делам (Ин. 14, 11).* Чудеса, творимые Богом, преубедительные... Потому человеку неизвинительно не веровать Христу. Ибо наглядное чудо, против которого ничего сказать нельзя, понуждает разум кичащийся смириться. В этих чудесах и открывается для человека другая жизнь, которую он не понимает в силу ограниченности своего разума. Но он упорствует в непонимании, не желая признать свою несостоятельность. И упорствуя, отвергает чудеса, которые, вопреки всему, необходимо принять. Их нельзя объяснить, им нужно верить.

Я читаю Заповеди и думаю, что их исполнить невозможно. Возмущен их непреодолимостью

для меня, потому что смотрю на себя и не верю, что со мной может случиться то чудо, что эти Заповеди станут хлебом моей жизни, вожденнейшей радостью при всей их непостижимости. Да и не нужно их постигать — они есть, они есть слова жизни, и жизни вечной.

Как это понять? Да это понять невозможно. Как можно объяснить прорастание белого цветка из черной земли? Как это все бывает — из «ничего» такое вырастает! И не нужно объяснять.

Вообще странны претензии наши все понять. В этом, наверное, корень первородного греха. В детстве принимаем все на веру. Чистота сердца отвергает всякие сомнения разума. Он в нас в эту пору занимается совсем другим и в познании жизни не участвует непосредственно, а подпирает и укрепляет веру, открытость, как бы поворачивает все наше существо к Богу. Но по мере взросления разум начинает вмешиваться во все дела, всем распоряжаться, и мы, в силу своей греховности, признаем его первенство. Он-то, наш разум, и стал демонической опорой в противлении вере и всему доброму, светлому, что исходит от Бога. Опошляя, принижая, отвергая красоту духовного бытия, он искажает не соотносящийся с его представлениями дух Священного Писания и этим как бы понуждает веру служить себе, своей страстности, своей ограниченности.

Победа, победившая мир (1 Ин. 5, 4), — вера наша в Господа Иисуса Христа, истинного Бога. Эта вера разрешает все проблемы, упраздняет все вопросы, все растворяет в Его Крестной Любви.

ИСКУШЕНИЕ РАЗУМОМ

Непостижимость ощущений, непостижимость интуиции, антиномичность мысли — это свойства вечности, которая присутствует в Боге, в сотворенном Им мире и малой частью — в нас. Потому в этих вопросах *мы ходим верою, а не видением* (2 Кор. 5, 7). Только вера постигает непостижимое, а видение поддерживает веру, утверждая ее непостижимое над разумом превосходство.

С одной стороны, это радует, ибо вера, как ничто другое, отвечает жизни нашей вечной души. Только в вере душа дышит «полной грудью», переживая полноту и радость бытия. В этой непостижимости она предчувствует возможность исполнения всех благих желаний, ибо для веры вообще ничего невозможного нет.

А с другой стороны, человека угнетает чувство недостаточной опоры на себя, на разум. Хочется нам все понять, все объяснить, хочется разумом «разбавить» категоричность Заповедей. Живет в нас надежда на всемогущество разума, его возможности. Мы бы все в нашей жизни перестроили по своим понятиям! И когда искушение разумностью погружает сердце в атмосферу этих

желаний, то нас все расстраивает, ибо желания неукротимы, а успехи так малы, почти ничтожны.

Очень многое и в духовной жизни нас не устраивает, и многое мы хотели бы поправить. Не раз пытались это сделать, но как-то все не получалось, а издержки были ошеломляющие. И сейчас снова пытаются все перестроить, но, похоже, что опять не получится. Ведь без Бога все, что ни построят, будет телега без колес. Таков принцип жизни. И это очень хорошо для человека: нельзя быть умным против Ума, не полезно.

Диво дивное и чудо чудное наша вера в Господа Иисуса Христа, Владыку всех непостижимостей и антиномий. Но человек восстал против Бога и укрепил себя мнимой постижимостью, не желая понимать очевиднейшие вещи: как муха зависит от погоды, так он зависит от Бога. С каким энтузиазмом он убегает, отказывается от этой мысли, если она приходит. С какой разрушающей всякое приличие страстью затыкает дыры в «науке», где проглядывает Свет Невечерний, когда Милостивый Господь, щадящий людей, открывает им возможность постижения Непостижимого там, где, как они думают, все научно доказано.

Странное человек существо! Всё вокруг кричит о Боге, а он твердо верует в себя и свою жизнь без Него. Из всех непостижимостей самая разрушительная — человеческая гордость, которой он противопоставляет себя Богу.

Но иногда люди смиряются... Ну, пусть Бог будет, только нужно, чтобы Он соответствовал на-

шим понятиям. Нам нужен «бог во имя свое», нам нужны его постижимость и предсказуемость. И поскольку это желание большинства людей неукротимо, то придет тот бог, которого желают, и он будет угождать людям во всех их страстях... Только радости в этом не будет, ибо придет обманщик, придет вместо Бога Христа антихрист, чтобы похитить вечные души им обманутых людей.

Суть спасения, принесенного на землю Иисусом Христом, Сыном Божиим и Богом, состоит в том, чтобы люди оставили свои заблуждения, не пытались учить Бога жизни, не пытались поправить Его в Его непостижимых судьбах, о которых сказано, что как бы ни были они разнообразны — все благи. Человек без Господа не сможет жить. Нельзя ему без Него, без Бога он даже самое доброе обращает себе в погибель (вспомните в цивилизацию). Разум сам по себе немногого стоит, он часто предает человека, разрушая его веру. Несчастен полагающий надежду только на свой разум¹.

Из-за утраты веры нормальная жизнь (нравственная, духовная) зашла в тупик, и жуткие результаты этого — наглядное пособие для тех, у кого есть глаза, уши, разум. Сегодня как никогда актуальны слова пророка Моисея: *жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое* (Втор. 30, 19).

¹ Ср.: *Надейся на Господа всем сердцем твоим, и не полагайся на разум твой* (Притч. 3, 5).

ДАР ПОКАЯНИЯ

Если бы в сознании человека главенствовала духовная реальность, то он увидел бы, что все внешние события есть отображение его внутреннего состояния, то есть — что посеял, то и выросло.

Господь как бы понуждает нас к уразумению этого жизненного принципа. С каждым человеком происходит нечто, чтобы сделать видимым то, что невидимо, что присутствует в глубине его души. Это для того, чтобы мы видя — увидели. А мы не хотим воспринимать неизбежность такой связи, отвергаем ее и решительно ищем возможность все объяснить по-другому, по-своему.

Неприкосновенная часть нашей личности — совесть — позволяет нам интуитивно улавливать эту непосредственную связь душевного состояния человека с его жизненной «шаткостью», но мы всерьез ее не воспринимаем, ибо мы связаны страстями. Мы только слышим ее голос, но он бессилен.

Ум в страстях слепнет. И связанный, и ослепленный во грехах он хочет быть свободным и зрячим, и верит, что это возможно. Но, мягко говоря, так не бывает. Ум — он или есть, или его

нет. А не так, что где-то в чем-то он есть, а где-то в чем-то его нет. Если мы отказались от разума в главном, нравственном, средоточении жизни, то ум бессилен во всех других ее сферах. Он бессилен дойти до правильных решений, он их просто не видит.

Процесс познания — это сложный процесс, требующий подлинного свободного присутствия всего человеческого существа: души, совести, сердца, даже плоти. А разум является организующей силой этих способностей человека. Но там, где нет покаяния, там ничего быть не может, ибо покаяние — это признание связанности и слепоты своего ума. Ни в личной, ни в семейной жизни человек не состоятелен, пока не придет это осознание. Когда же оно приходит (если приходит), то человек прозревает гибельность положения своих дел. Понимая, что ничего не может изменить, начинает молиться. А это только и нужно.

Невидимый ум связан и ослеплен невидимыми силами. Покаянием ему возвращается зрение, а молитва к Богу сеет надежду на настоящую свободу. Надежда эта становится жизнью, ибо ее залог осуществился — человек покался, то есть он прозрел, он понял причину своего «сложного положения».

Потому, согласно святоотеческим творениям, покаяние — это самый ценный дар Божий, самый, самый. Даруемый Богом только тем, кто его ищет, тем, кто его искренне желает. В этом даре заключена великая, несравнимая ни с чем радость встречи свободы и Благодати, Бога и человека.

«СЫНЕ, ДАЙ МНЕ ТВОЕ СЕРДЦЕ»

Сыне! Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни (ср.: Притч. 4, 20, 23). Сердце — это вера, это любовь, это надежда. Это все, чем и в чем живет человек.

В мире нам столько всего предлагается, да так убежденно и настойчиво, что невольно соглашаешься и, как потом оказывается, натыкаешься на очередную ложь. А Святое Писание, предлагая нам сохранить свою жизнь в благополучии, говорит: *Сыне, дай Мне твое сердце* (ср.: Притч. 23, 26), — отдай свою жизнь в руки Божии и, несмотря на всякие внешние несоответствия, она непременно сохранится.

Всякие общественные перемены, научные соблазны, внутренние страсти постоянно вращают наш ум туда-сюда. Поток жизни часто несет нас в обратном от Бога направлении, а сердце, послушное Богу, — всегда с Ним.

Жизнь многообразна и многогранна, качает нашу веру, как ветер качает деревья, а они глубже укореняются. Премудрость Божия, держащая в руке наше сердце, растит его и готовит различными превратностями к принятию выс-

ших разумений, в которых только и может успокоиться сердце человека. То есть искушения, нестроения и другие, казалось бы, неприятные состояния души очень нам нужны. И сердце, наполненное Божественным вразумлением, ощутив в себе начало мудрости, веселит своего хозяина.

Отдать сердце в руки Божии — вот настоящая наша забота. В этом есть и жажда жизни, и ее удовлетворение. Но как это возможно для нас сегодня? Все важное Бог устроил естественно и просто, нужно только захотеть. Наше сердце само тяготеет к настоящей любви, наше сердце хочет верить Истине, оно хочет стоять на Камне веры, Который есть Иисус Христос, Сын Божий. И если человек захочет возлюбить любовь, или по-другому — захочет настоящей жизни, то он не может не отдать свое сердце Богу, Который только Один может наполнить его Собой.

Есть Господь Бог, и есть наше сердце, — это две главные ценности жизни. Все другое — декорация, попускаемая Богом для испытания дарованной свободы. Все проходит, все меняется, «смерть и время царят на земле»¹. А эти две ценности остаются навсегда. И когда человек решит отдать свое сердце Богу, то вся декорация в его жизни изменится. Даже если она тут же не изменится, то это уже совсем неважно, все равно все пройдет.

¹ Строка из стихотворения Владимира Соловьева «Бедный друг, истомил тебя путь...».

Что ощущает человек, когда решится отдать свое сердце Богу? Успокоенность, которую дает упование. Когда сердце в руке Божией, то тепло Божией благодати вынашивает в нем вечную жизнь, а все суетное и пустое отодвигается на второй план.

Все суета... (Еккл. 1, 2 и др.).

Бог создал сердце человека и вложил в него разум, чтобы человек искал Бога. Хотя Бог недалеко от каждого из нас.

О САМАРЯНКЕ

Обстоятельства от нас не зависят, а мы от них зависим, и очень. Порой они так серьезно осложняют нашу жизнь, что соблюсти Правду Божию почти невозможно, получается один сплошной грех. И, как думается, Господь учитывает эти сложности, ибо они, естественно, не бывают случайными. В этих лабиринтах сложностей открываются, насколько можно вместить, непостижимые судьбы Божии (см.: Рим. 11, 33).

Разум ограничен законами природы (пространством, временем), а глубина сердца беспредельна. На поверхности нормальных отношений нормальной жизни нормальных людей все читается просто. И степень веры и любви к Богу читается внятно, все доступно. Но все «приходит в движение», когда нормальность исчезает. И тогда открывается бездна судеб человеческих.

Вот Христос встречается у колодца женщину и просит у нее воды.

Оказывается, женщина эта со сложной судьбой и большими грехами (оценочный взгляд). Казалось бы, Господь мог призвать другую женщину (более чистой жизни), но Он беседует

с этой (грешной). И что же открывается? Женщина очень грешная, но в ней живет серьезная забота о своей душе. И никаких нравственных разборок Христос ей не устраивает, а общается с ней на уровне высоких духовных Истин. И, что очень важно, открывает ей Себя (см.: Ин. 4, 9–26). Это понуждает нас надеяться, что в душе каждого грешника есть место, недоступное греху.

У разных людей и грехи разные, смотря по обстоятельствам. А тайна грехопадения такая же непостижимая, как и тайна искупления. Потому внешние наши оценки, которыми мы соблазняемся, всегда несправедливы. Ведь одно дело — жизнь, и совсем другое — нравственный ригоризм, то есть суровое, непреклонное соблюдение каких-либо принципов. Исходя из сегодняшних реалий, он чаще всего несостоятелен.

Вообще Христос всегда показывает великодушное отношение к грешникам, ибо большинство из них грешат в силу стесняющих обстоятельств, порой непреодолимых. И это тема для глубоких размышлений, в которых открывается сердцу неисповедимая Любовь Божия, подвигающая душу к ответной любви.

Все рассуждения гаснут и исчезают, когда Господь прикасается к сердцу. Тогда и постигаешь непостижимость настоящей жизни, и сердцем понимаешь, насколько она отстоит от наших плоских, одномерных суждений. Находясь в их власти, мы все время спотыкаемся и соблазняемся как жизнью, так и Святым Писанием.

Бог зовет нас в другую жизнь — в Любовь. А наши суета и леность мысли превозмогают. В той жизни — в Любви — все по-другому. Там нет темных мест, недоумений, там все озарено прозрачным, Невечерним Светом. И, что самое удивительное, — это рядом и это для всех. И что еще более удивительно — это никому не нужно.

Мы все мучаемся грехом осуждения жизни и людей, и это потому, что не знаем себя. А не знаем, потому что знать не хотим. Знать жизнь без покаяния невозможно, а вот каяться мы тоже не любим, и все свое лукавство, лицемерие, лживость призываем на помощь, чтобы отгородиться от покаяния.

И пока мы так поступаем, мы никогда не откроем в своем сердце дверь в Божественную Любовь. Будем ходить во мраке пустых, глупых и злых рассуждений и осуждений.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

«Привычка и господствующее мнение так сильны, в такую берут человека неволю, что он против убеждений разума своего, насильно, как бы магнитом втягивается в вихрь общего предрассудка»¹.

Все мы очень зависимы от «общественного мнения». Говорим и поступаем под его пристальным взглядом. Угождая ему, нередко забываем о разумности, убеждениях, совести. Оно все преломляет в нашей жизни, как кривое зеркало. Какие странные превращения в поведении людей совершаются под его влиянием! Сколько сил тратится на то, чтобы понравиться, сколько лицемерия и фальши привносит в нашу жизнь желание соответствовать общим понятиям, часто очень странным и, во всяком случае, далеко отстоящим от православной традиции.

Понимаем, что необходимо жить иначе, но продолжаем жить, «как все», стесняясь родных, друзей, соседей и самих себя. Мы, снедаемые тщеславием, озабочены их мнением о нас больше,

¹ Славянорусский корнеслов. СПб., 2005. С. 26.

чем мнением Бога. *Как вы можете веровать, когда друг от друга приемлете славу, а славы, яже от Единого Бога, не ищите?* (ср.: Ин. 5, 44). И наша боязнь прослыть не «как все» крепко держит нас в стойле «общественного мнения». И от этого лицемерия хиреет наша вера.

Стихийность «общественного мнения» захватывает нас своим течением и уносит от Бога, от Божественных вразумлений. Мы обессиливаем, растрачивая свое сердечное внимание на суждение окружающих людей.

Всегда преодолагает мнение, что Господь потерпит, Господь поймет, Господь подождет, лишь бы люди чего не подумали. А за всем этим скрывается неудовлетворенное честолюбие и страх перед «общественным мнением».

Великим автором «общественного мнения» является *князь мира сего* (ср.: Ин. 14, 30), именно он всякими ухищрениями угождает плотским наклонностям человека. А сила нашего ума призрачна, а преступление нашей гордыни безмерно... И чем сильнее страсти человека, чем он самолюбивее, тем эта сила действует неотвратимее.

Чтобы прожить осмысленно среди этих искушений, Господь дал нам Заповеди (см.: Исх. 20, 2–17), соблюдая которые, мы ходим в безопасности. А мы досадуем: это нельзя и то нельзя... Так ведь нельзя, потому что ослепляет. Мы страстями перепутали все ориентиры и подчинили свою волю «общественному мнению» — безликому, безумному.

Странные вещи происходят с нами. Нам становится как бы легче, когда у нас отнимается разум,

и еще «легче» бывает, когда отвергается совесть. Мы под влиянием «общественного мнения» за- просто с ними расстаемся и совершенно успокаиваем себя мыслью, что все так живут.

Что интересно, настоящая, живая, разумная вера в Бога с успехом противостоит натиску «общественного мнения». Перед верой в Бога все силы природы смиряются, как будто Господь говорит: «Умолкни, перестань». Вера в Бога делает нас ответственными. Разрушаются все иллюзорные замки, ореол «общественного мнения» превращается в «труху», ибо оно в себе — ничто, и создается только для того, чтобы обессилить личностное начало в человеке, заставить его стыдиться совести, вызывая злую усмешку дьявола.

«Общественное мнение» — вера в дьявола, дающая ему силу и власть над нашими душами. Сколько всяких увлечений, насмешек мы пережили от него, казалось бы, можно и поумнеть, так нет — не получается. Вообще, если присмотреться, то «общественное мнение» — это сила, которая лишает человека свободы и тем обезличивает его, «вливает» в толпу, из личностей создает членов толпы, растворяющихся в ее пустоте.

А Православие понуждает нас сопротивляться таким влечениям, сохраняя в человеке личностное начало и веру в Бога, чтобы оставаться самим собой для полноты духовной радости.

«КАМЕНЬ, КОТОРЫЙ ОТВЕРГЛИ СТРОИТЕЛИ»¹

Очень многое и часто очень важное из того, что происходит в нашей жизни, трудно понять и еще труднее объяснить. *Судьбы Божии*, открывающиеся нам в событиях, *непостижимы* (ср.: Рим. 11, 33), как вечность. Сам человек — великая тайна для себя самого, он жизнью своею творит самого себя, и его сердечная глубина теряется в бесконечности возможностей. И хотя разум требует берега, сердце плавает в безбрежном океане.

Вот — иудейский народ... Сначала кричал Христу «осанна» (см.: Мф.: 21, 9), а немного погодя — «распни» (27, 22). Что, собственно, произошло или могло произойти за этот короткий срок? В Евангелии ни разу не говорится о негодовании народа или даже о его недовольстве чем-либо во Христе. Напротив, народ всегда радовался о всех Его делах... Что же произошло? Люди что-то узнали из того, чего раньше не знали? Почему вдруг такая страшная перемена? *Весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших* (Мф. 27,

¹Ср.: Мф. 21, 42.

25). Это очень серьезные слова, они предполагают понимание происходящего, или, правильное сказать, ощущение трагичности происходящего. Заклинать себя так — предельная решимость, казалось бы, вдруг ниоткуда взявшаяся. Беспочинное сатанинское озлобление, овладевшее толпой.

Народ становится толпой, когда с ним нет Бога. И в толпе человек отчасти перестает быть человеком, он — часть толпы, которая живет по стихиям, и потому не всегда ответственен за свое поведение. Этим воспользовались вожди народа, фарисеи. По зависти ко Христу они решили предать Его смерти (см.: Ин. 5, 16; 11, 53 и др.) и соблазнили народ на это зло, погнали толпу в нужном для них направлении. В результате произошло то, о чем люди сами не думали, чего не предполагали.

Но одна только злонамеренность фарисеев не могла вызвать у людей такую глубокую ненависть ко Христу. Что-то более сложное, значимое подвигло их к пропасти, к злобной решимости. Люди, собравшись вместе, ощутили страшную глубину происходящей мировой трагедии. Ощутили именно в решительный момент времени. В сознании каждого что-то поднялось изнутри, из глубины «веков», до времени прикрытое обыкновенной человеческой суетой. Взошли семена фарисейства, накопленные за предшествующие времена отступлений.

Как апостолу Петру (Мф. 26, 33–34), народу иудейскому было попущено искушение. Это тоже

было для вразумления, для постижения значения духовных вопросов и их предпочтения. Ибо фарисеи и народ иудейский погрязли в видимом и плотском, ничего не хотели (или не могли) понять из духовного, вечного, настоящего. Происходящее подготовило их к осмыслению Царствия Мессии как царства «не от мира сего». Ибо Сын Божий пренебрег всем, в чем они полагали смысл своей жизни, Крестом Своим шагнул в вечность, от которой они отказались.

Апостол Петр потерял себя в себе, смиренным сердцем обрел себя в Боге и получил благодать апостольства. И народ иудейский, видя распятого Христа, возвращался домой с великим сожалением, *бия себя в грудь* (Лк. 23, 48). Через страшное преступление он открыл в себе возможность восприятия Евангельского благовестия. Потрясение в результате этого преступления разрушило его самодовольство, самоуверенность, зашаталось все его веками создаваемые представления о своем предназначении.

Сердце человеческое — бездна. Никто наперед не знает, что он от себя может ожидать. Это особенно остро переживается в судьбоносные моменты жизни, за которыми открывается вечность. Это и понуждает умного человека осторожно относиться к своей жизни, всегда и во всем предпочитая не себя и свое, а веру в Бога. Никто не может быть уверенным в себе, не уверовав в Бога. По-настоящему, в настоящего Бога, Господа нашего Иисуса Христа. И это понять особенно важно в сегодняшнее время, время страшных ис-

кушений, когда всерьез испытывается наша верность Христу и Его Святой Церкви.

Часто глубина и коварство искушений превосходят возможности нормального внешнего человеческого восприятия, и потому только сердечное ощущение Истины и смиренная покорность Слову Божию, абсолютное Ему доверие предохраняют человека от погружения в хаос греха, царящего в мире, и от грядущих искушений.

НЕИСПОВЕДИМАЯ ЛЮБОВЬ БОЖИЯ

Евангелие несет в себе печать Божественного достоинства. Высшее слово, раскрывающее глубину человеческой души, заключено в Послании апостола Павла о любви.

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая... Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам все имущество мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы (1 Кор. 13, 1–3).

Проникновенный ум бессилен при попытке осмыслить, понять сей страшный дар любви, который выше всяких постижений, даже выше самой жизни. Без любви все — ничто. Нисходя от Бога, любовь проникает в самые глубины нашей худости, нашей немощи и животворит наши души, ибо каждый человек, как бы ни был он мал или плох, имеет потребность любить и быть любимым.

Если любовь не может заменить никакая жертва, и вообще ничто заменить ее не может,

то сама она заменяет все, действует всегда и везде. Именно в стихии любви зарождается и созревает нравственное совершенство, истинное знание и прекрасное искусство, ибо любовь имеет способность изменять личность и судьбу человека.

Важно то, что и самое малое, и самое простое любовь делает значительным и спасительным — чаша воды, ради Бога поданная, имеет свою ценность. Это даже не открытая дверь спасения, это — ворота для всех немощных, несостоявшихся христиан. Скажу брату своему доброе слово или в тяжелую для него минуту ободряюще посмотрю на него, а с попавшим в беду рядом постою, сердцем разделяя его скорбь, и любовь откроет возможность спасения даже там, где надежды на спасение просто нет.

Сколько в жизни каждого из нас было таких мгновений, когда в объективно сложных обстоятельствах, ощутив поддержку, участие, искреннее сострадание, мы переживали радость соединения сердец, благословляли ту скорбь, которая высветила в наших сердцах любовь, дружбу, преданность. Действительно, Бог, отнимая, дарует — отнимает преходящее, пустое, а дарует вечное, настоящее.

Как не благословлять Бога за жизнь, которая в любви превращается в вечную жизнь и неистощимую радость, в которой хочется растворить себя, чтобы быть в ней всегда. Любовь — свет вечности, и когда Господь зажигает его в сердце, то все невидимое, Божественное, становится

видимым, и мы сердцем созерцаем Бога лицом к лицу.

В мире все пронизано Божественной Любовью, вся наша жизнь во всех ее проявлениях, нужно только наше желание войти в нее своим сердцем. И она преобразит нашу худость, озарит наше окаянное житие.

Что нужно, чтобы войти в эту Любовь? Всего лишь открыть глаза своего сердца, увидеть живущих рядом людей, увидеть их в жизни — восчувствовать их сердце, которое так же, как и твое, жаждет участия. Чтобы исцелить себя, нужно от сердца помочь другому, и богатство благодати Божией восполнит все, что в силу всяких обстоятельств ты не получил.

Многие досадуют на то, что их жизнь не сложилась «как у всех». И якобы Бог не ко всем справедлив. Это глубокая неправда: Бог — податель жизни, Он каждому дает потребное и все восполняет превосходящей наш разум Своей Любовью. Но в силу болезненного самолюбия люди не хотят оторваться от своего и войти в Божие, где бы сразу все и нашли. Неумение, нежелание увидеть свет в свете Христовой Любви порождают недовольство и ропот. Грех и нераскаянность делают ум человека ограниченным, а сердце пустым, холодным, потому он *видя не видит* (Мф. 13, 13) и не понимает великой Божией Благодати, разлитой в мире.

Богом сотворенный мир — великая тайна Божественной Любви. Священное Писание — бездна премудрости, в которой всегда найдут приют

и успокоение с верой его открывающие. Господь всегда Живой, живыми словами Он говорит о жизни живому сердцу. А нам всего-то и нужно только крепче держаться памятью своего сердца неисповедимой Любви Бога, понуждать себя быть благодарными Ему и радоваться жизни такой, какая она есть.

МУЗЫКА ДУШИ

Когда человек уверует в Бога, он как бы включает свет в своей душе. И, всматриваясь в мир и людей, проникается радостью своего обретения, как радуется человек, созерцающий рассвет, ибо все в мире оживает от восходящего солнца.

Уверовать — это значит увидеть сердцем замечательный порядок в мире. И, что особенно ценно и значимо, человек, уверовав, этот порядок «видит» среди страшного людского беспорядка, интуитивно угадывая разрушенную первоизданную гармонию.

Вера тем отличается от знания, что в ней есть ощущение восстанавливающей силы. Вера внимательно прислушивается к звукам гармонии жизни и, подбирая на своем пути ее осколки, утверждает себя и свой выбор.

Вера, освещая душу, дарует ей возможность одновременно слышать музыку. Свет и музыка... Беззвучная мелодия... Это такое состояние души, когда ощущаешь полноту жизни и от переизбытка она начинает звучать, а душа начинает петь.

«ИСПЫТЫВАЙТЕ САМИХ СЕБЯ, В ВЕРЕ ЛИ ВЫ?»

Основой жизни православного христианина является вера. Ее присутствие и ее здоровье есть главное наше достояние, и об этом должна быть вся наша забота.

Вера — живой организм, и, как все живое, она возрастает и болеет. Самая тяжелая болезнь веры — лицемерие и фальшивость. Опасность этой болезни в том, что внешне вера выглядит благополучно, такой, какой должна быть, а по сути ее нет. Ну, вот как фальшивая монета — внешне она как настоящая, а когда нужно платить, то платить нечем. И фальшивость веры открывается, когда приходят искушения, трудности, скорби, а человек беспомощен.

Эта болезнь может иметь глубокий, скрытый характер, так что и сам верующий может не знать о ней. Потому-то апостол Павел наставляет нас: *Испытайте самих себя, в вере ли вы?* (2 Кор. 13, 5).

Внешняя суетливость отвлекает нас от должного внимания к своему духовному здоровью. Как-то в Евангелии Христос обличал лживость фарисейской веры: *Как вы можете веровать,*

когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите? (Ин. 5, 44). Значит, болезнь эта развивается от внешнего «растекания» по жизни. Лицемерное вырождение веры начинается через тщеславие, через надмение, через осуждение.

Главным признаком этой серьезной болезни является страх — страх за будущее, да и за настоящее. Страх этот — уже отсутствие веры при ее видимости. Ибо, живая и здоровая, она всегда имеет перед собой Невидимого Бога, Который привел нас в эту жизнь, одарил богатством Своей благодати и недремлющим оком всегда присутствует в нашей судьбе.

Бедность и недостатки вызывают тревогу. Убрать эту тревогу можно путем серьезного переосмысления жизненных ориентиров, что с верой всегда возможно, ибо ни у кого нет такой надежды, такого духовного богатства, как у верующего человека.

Вера — вечное сокровище нашей души в этом суетном и преходящем мире. Вера — великое Божие чудо, дарованное нам. Только нужно бережно ее хранить, чтобы жизнь нашей души была светлой и благополучной.

ЦЕРКОВЬ КАК ОБЩИЙ ДОМ

Что такое Церковь? Церковь — это мы с вами, когда мы вместе и с нами Бог. Очень ярко, очень сильно это выражено в Таинстве Евхаристии.

В обычной жизни мы заботимся о себе, о своих. А в Церкви преобладающей должна быть забота о нашем единстве. И это не означает просто быть вместе. «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповедуем»¹, то есть возлюбим Церковь, возлюбим всех, кто пришел в Церковь искать Бога.

Это особенно ценно в наше непростое время: любовь оскудевает, что равносильно состоянию, когда воздуха не хватает. А если мы вместе и с нами Бог, то Святая Церковь становится для нас Божиим домом, где оживает наша вера, делается радостным наше упование, реализуется наше стремление к Богу в исполнении Его святых Заповедей, и главной Заповеди — о любви (см.: Мф. 22, 36–39). Само такое состояние в Церкви уже врачует совесть и преображает душу. А это самое главное дело нашей жизни, главное направление нашей жизни в Церкви.

¹ Ср.: Возглас диакона перед Символом веры, из последования Божественной литургии.

В этом непростом делании мы как бы растрчиваем время и энергию души не на себя и свое. Но, взыскуя прежде всего Царствия Небесного, мы в то же время получаем и все то, что необходимо для нас лично и для наших близких, ибо верен Обещавший, что *все другое приложится* (ср.: Мф. 6, 33).

Современная жизнь поставила перед нами очень серьезные вопросы относительно верности нашей вере. Ветер серьезных нравственных перемен, безусловно, затрагивает и чистоту духовной жизни. Все это должно мобилизовать наше духовное внимание. Да, мы озабочены проблемами и опасениями, а они преодолимы в Церкви, у Всемогущего Бога — с Ним и в Нем. Только нужно жить в Церкви глубиной своей души, в ней созидать упование на спасение.

Вера — это сокровище, сокрытое в поле нашей жизни. Бог собирает нас в Церковь и подаст нам живую веру, ибо Церковь — это когда *двое или трое, и более, собираются во имя* Бога (ср.: Мф. 18, 20). Бог приходит, и приходит Он с полнотой всего, что только может пожелать наше сердце. Приносит нам и то, о чем мы подумать не могли: *и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9). Но это происходит, если Он находит взыскуемое единение сердец.

Конечно, непросто быть вместе, а дружить таким разным людям, можно сказать, невозможно. Но это только на первый взгляд. Бесконечные наши претензии друг ко другу, мешающие

условности свидетельствуют не о том, что единение невозможно (в таком состоянии, правда, невозможно), а о том, как далеки мы от покаяния и смирения. Нужно восчувствовать себя настоящим грешником, и тогда Бог сразу начинает помогать, делает наши души способными преодолеть грех и разделение.

Время, данное Богом на покаяние, проходит с катастрофической быстротой, и другого уже не будет. И что, если мы проснемся для настоящего покаяния и поймем сердцем глубину своих грехопадений? Тогда проблема будет не в том, что нам в Церкви кто-то не нравится и мы не хотим с ним общаться, а в том, что нас не захотят принять.

Но пока мы мистическое тело Церкви используем для своих «бытовых нужд», а сами не хотим стать Церковью, не заботимся о ее целостности и полноте. Не хотим ей служить, не хотим ею жить. И только это отстранение от единства делает нас бессильными и обреченными.

Святая Церковь — это «все» для нас, и нам необходимо учиться жить в Церкви и для Церкви — в этом верный залог нашего спасения.

СВЯТАЯ ЦЕРКОВЬ

«**Н**ебесного круга Верхотворче Господи, и Церкви Зиждителю...»¹. Небесный круг в силу своей безграничности не подлежит осмыслению, он выше всякой мысли. Главное — он есть, и он такой дивный... И этот дивный Небесный круг — видимый образ Святой Церкви, через него нам открывается душа нашего Небесного Дома.

Святая Церковь сравнивается с Небесным кругом по ее сложности и значимости. Но в сути своей здесь невозможно сравнение, ибо Небесный круг — это символ.

Небесный круг из видимых звезд организован невидимой Божественной Любовью в дивный порядок, и Церковь, ее видимая и невидимая части, содержится той же Любовью. В ее вечной реальности все *живет, и движется, и есть* (ср.: Деян. 17, 28). Только в ней, как в Небесном круге, сохраняется порядок. Чудесность ее существования и всего того, что ее наполняет, необъяснимо перекликается со словами Священного Писания:

¹ Ирмос, песнь 3-я, Канон молебный ко Пресвятой Богородице, поемый во всякой скорби душевной и обстоянии; и в др. канонах.

Повесил землю ни на чем (Иов. 26, 7). Ну, как можно *повесить ни на чем*, да еще землю? Как в звездной бездне сохраняется неукоснительный порядок? Как живет Церковь? Как мы живем в Церкви?

О чем и как можно говорить, созерцая Небесный круг? И говорить-то не надо. Сердце верую ощущает Святую Церковь как самую настоящую реальность! Вот как душа в теле: мы знаем, что она есть (мы ею живем), а как она «есть», не знаем, и каким образом душа связана с вечностью, с Богом — не знаем. Так, наверное, и живет Церковь. Она — тело Христово, Его душа, Его Дом. И как все духовное прикровенно, так прикровенна жизнь души в Церкви через Таинства и молитву. И кто насколько погружается в эти стихии, настолько он и живет в Церкви, как пшеница на поле, и плодоносит.

Бесконечные звездные пространства зовут наши ум и сердце к постижению непостигаемой Любви Божией и Его благодати к Своему творению. Любовь Божия, как вечность, — всегда во всем и во всех. Глядя на небо, понимаешь отчасти суетность земных исканий и ощущаешь необходимость желать чего-то настоящего, совершенного, вечного. В этом созерцании постигаешь величие веры и ничтожность человеческих уразумений.

Вера и ее познание настолько больше и значительней всего уразумеваемого нами, насколько разнится живое и мертвое. Ибо в вере всегда присутствует лучик Божественной благодати, кото-

рая делает веру чудотворной, преображая и озаря сердце, где эта вера родилась. Вне Церкви, вне веры все, что мы пытаемся осмыслить, мертво, все рассыпается. И только тогда живо и цельно, когда — в вере.

И все это дано нам для познания Божиего величия, величия Его творения, венцом которого являемся мы. Мы тоже носим в себе вечность и, являясь частью Церкви, управляемся благодатностью Святого Духа в вечное сожителство с Вечным Богом.

«Небеснаго круга Верхотворче Господи, и Церкви Зиждителю, Ты мене утверди в любви Твоей...»

МУДРОСТЬ ВЕРЫ

Ударившему тебя по щеке подставь и другую (Лк. 6, 29). Сколько недоумения вызывает это изречение! Как же жить с такими понятиями в нашем мире?

Да, многое в Книге жизни нам кажется нежизненным, сказочно далеким от нашего понимания. Непостижимостью своих аксиом Евангелие часто обескураживает, и это, думается, потому, что мы не понимаем Евангельского духа, который проясняется для нас в других местах Священного Писания. Так, мы читаем, что Бог две лепты вдовы принял как большое богатство (см.: Мк. 12, 41–44). Бог ведь понимает, что нам трудно, потому не требует непременно десять талантов, но каждому дает и с каждого спрашивает по его силам.

Подставь другую щеку — это место Священного Писания очень трудно к уразумению, то есть трудно его воплотить в жизнь. В этой Заповеди Евангелие раскрывает принцип подхода к жизни в своем верхнем пределе. Но если этот предел опустить до нашей жизненной ситуации, то получится нечто приемлемое и для нас: уступить в

споре, первому остановиться, пожертвовать своим самолюбием ради своего же блага.

Необходимо заметить, что не всем нужно подставлять щеку и не во всех случаях. Здесь речь идет о «ближних», ибо в жизни каждого человека возникают обстоятельства, которые все разрушают. При этом страдают все участники происходящего, никто не остается цел. Это тяжелые ситуации, например, разрушение семьи из-за каких-то неправильно понятых принципов. Гибнет целостность семьи из-за нежелания смириться и потерпеть.

А Бог *хочет* всем спастися и в разум истины прийти (1 Тим. 2, 4), то есть нужно с чего-то начать, чтобы, уступив в ничтожном (а самолюбие — самое ничтожное, что есть в человеке), спасти очень важное. Самолюбие, главным образом, и рассуждает о невозможности, неприемлемости Евангельских предписаний. На его разрушение и направлены Заповеди Божии, ибо самолюбие есть оплот мысли, искаженно воспринимающей жизнь.

Исполнение Заповедей — это самый краткий путь к единственно правильному и единственно возможному в жизни. Этот путь предложен в такой трудной форме — в идеале, ибо Бог знает, что человек, тварь разумная, сам потом захочет изящного и исчерпывающего решения.

«Нижний предел» мог бы сойти лишь за вежливость. А жизнь в любви — это не только не мешать друг другу, но прощать, поддерживать, жертвовать. К сожалению, человек не готов идти

дальше, потому что не понимает, что без жертвенной любви жизнь, как недосоленная пища. И ведь чем выше он поднимается, тем дальше виден горизонт. Человек же сидит в яме и сердится, что ему говорят о каком-то горизонте, когда перед ним — клочок неба.

Но пройдет время, и он будет благословлять Бога, Который во времени краткого нашего бытия раздвинул, расширил границы жизни так, что она одним крылом коснулась вечности. И об этом — все Заповеди.

ДУХОВНАЯ ГРАМОТНОСТЬ

Жизнь простой не бывает ни у кого. Преодоление трудностей всякого рода есть вещь обыкновенная и, как все в жизни бываемое, требует определенной грамотности. Как правило, особые сложности и болезни начинаются, когда грамотность отсутствует.

Согласно святоотеческой традиции, естественный способ преодоления трудностей — терпение. Терпение — универсальное средство к прочтению законов жизни. Им открывается смысл происходящего, его понимание. Без терпения невозможно заглянуть в суть событий, уразуметь волю Божию.

Вера в Бога предполагает, что ничего просто так не бывает. Все, что в жизни происходит, дается для чего-то или за что-то. Правильное, духовное уразумение этого дарит человеку большое утешение, так как позволяет ощутить заботу Бога, Его Любовь, что само по себе дорогого стоит.

Терпеливое уразумение и есть покаяние. Как сказал пророк: «Покаяние — великое понимание»¹. К человеку приходит понимание

¹ Ср.: «Пастырь» Ерма. Кн. 2, ч. II // Писания мужей апостольских / Пер. прот. П. Преображенский. М.: Издат. Совет РПЦ, 2003. С. 246.

своих ошибок, неразумных увлечений и поступков. На этом пути мучительного осознания своей ущербности и формируется личность. На этом пути человек находит самого себя настоящего, то есть освобождается от ложных о себе представлений. И в этом обретении приходит к нему нравственная сила преодоления.

Многими скорбями, и только ими, мы можем освободить себя от ложных представлений о жизни, о Боге, о себе, обрести свободу и вернуть власть разуму. Но все это требует от нас распятия самолюбия, ибо самолюбие лишает человека нравственной свободы, держит его в оковах собственных понятий, ограничений и сильно мешает настоящему познанию жизни, ее великолепия и глубины. Самолюбие удерживает разум человека на уровне детского возраста, мешает ему взростеть.

Сердце — главный источник нашей жизни — живет в атмосфере высшего духовного порядка: ощущений, интуиции, прозрений, вдохновения. Оно живет и питается прикосновением к жизни вне всяких объяснений: любит, ненавидит, радуется, унывает... Скорбями, то есть глубинным ощущением жизни, приобретаются навыки, позволяющие человеку очиститься покаянием и стать способным войти в атмосферу особых божественных (благодатных) переживаний.

Радость жизни, ее полнота не всегда в том, в чем полагает человек в своем сердце. *Скорби*, которые Господь *положил на хребте нашем* (ср.: Пс. 65, 11), насыщают нашу душу познанием, они

нужнее хлеба. Это как раз то знание, о котором сказано, что *не одним хлебом жив человек* (ср.: Втор. 8, 3; Мф. 4, 4). Поиск следов разумности в происходящих событиях — главная пища души. Сознательно и бессознательно мы всегда и везде ее ищем, но найти затрудняемся, ибо, разорив «компас» своей души грехом, мы подвергли себя постоянным влияниям лживого духа, который, обманывая нас, влечет к себе, затруднив до бесконечности наш путь к Богу.

Чтобы духовные, нравственные начала укреплялись в душе, нужно учиться терпеть и смиряться. По-другому сказать: нужно быть разумным и мужественным.

ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ ТЩЕСЛАВИЯ

Святая Церковь настаивает на том, чтобы мы смиряли себя, ибо только в смиренном устроении мы видим, слышим и понимаем все, как оно есть на самом деле.

Противоположное смирению чувство — тщеславие. И оно обязательно искажает реальность всех наших представлений. Получается, что мы живем в нереальном мире, и потому делаем много ошибок. Мы тщеславимся, то есть не совсем верно думаем о себе, и предполагаем в ближних не всегда то, что в них есть на самом деле. В результате не складываются наши разумные жизненные отношения. Сказано: *Не будем тщеславиться, друг друга раздражать, друг другу завидовать* (Гал. 5, 26).

Опасно то, что тщеславие понуждает человека искать «высших себя» и, попадая «не в свою тарелку», он вызывает досаду ближних и смех дальних. Вне смиренного настроения мы всегда вне жизненной разумности, вне спасительных дорог, ибо обременяем свою совесть бессодержательным тщеславием, вредными словами и делами. Из-за утраты чувства реальности теряется и

чувство ответственного отношения к жизни, и жизнь мало-помалу «поворачивается к человеку спиной».

Необъяснимо, почему нам нравится жить в ложных представлениях... Ведь, с другой стороны, мы очень дорожим своими умственными способностями, даже кичимся ими, когда у нас что-нибудь получается, или нам кажется, что получается. А тщеславие сильно нас опрощает в умственном отношении.

И этот самообман ведет к обрыву — когда процесс самообольщения каменеет, то возвратиться в разумность (в смирение) очень трудно. Даже если мы каким-то непостижимым образом вдруг начнем видеть (или понимать), что наши суждения были заблуждением, то сделать с собой уже ничего не сможем. Было время понять и, по возможности, что-то исправить, но нам было приятнее осознавать хотя и ложное, но свое преимущество. Теперь мы поняли и хотим все исправить, но не можем... Всегда нужно помнить, что время безвозвратно.

Тщеславие ослепляет разум. А в смиренном состоянии разум сливается с реальностью. Потому Святая Церковь всегда стоит на страже духовного здоровья человека, печется о здравии его разума, постоянно напоминая о значении смирения.

СТРАСТИ

Человек в страстях пренебрегает разумом, потому что выбирает страсти. Разумность и страстность взаимно исключают друг друга.

Конечно, человек думает: «Отложу разум, потом возьму». Но только от многочисленных повторов страсти укрепляются, а разум «изнашивается». Со временем страсти совсем заглушают разум и живут своей полнокровной жизнью, а разум ведет жалкое существование и фактически являет полное свое бессилие.

Это сказывается в том, что человек перестает воспринимать разумное. Вот почему у страстных людей ничего стабильного в жизни не бывает, кроме страстей. Если у них отсутствует сила и власть разума, то что там может быть? Вот почему самым действенным, разрушительным оружием против жизни является разврат, разлагающий разум человека. А расслабленный рассудок уже сам разрушает самого себя и все вокруг, пытаясь найти оправдание его превосмогающим страстям.

Скрепки семьи — это естественные скрепки жизни, скрепки государства. И Заповеди Божии

цементируют эти скрепы. А все те, кто пренебрегают разумом и Заповедями Божиими, являют в своей жизни не просто «свободную любовь», а готовят себе, своим ближним и Отечеству плачевное будущее, которое уже сейчас становится настоящим.

И слабоумие наше проявляется в том, что мы этой простой вещи понять не можем, хотя жизнь день ото дня становится все сложнее. И самое печальное в нашем безумии то, что мы сами, нарушая законы разумной жизни, постоянно ищем виновных. Разум стал «наступать» на себя.

Традиции Святого Православия — это вечная мудрость, и ничего более умного в мире просто не существует. И когда мы захотим это понять, тогда и возвратим в свою жизнь власть жизнеутверждающего ума. А страсти поставим на подобающее им место.

О СМирЕНИИ

Чтобы оживить веру, надо ею жить. Когда так бывает, мы носим Бога в памяти своей и в случающихся жизненных обстоятельствах все решаем в пользу своей веры.

Например, сложные и не очень сложные отношения с ближними решаем в пользу веры, то есть смиряемся; помышляя о Боге, терпим ради Бога. Даже если уже много раз смирялись и это не помогло, даже если долго терпели и кажется, что нет в этом смысла, то ради Бога нужно пренебречь сомнением и это перетерпеть, вспоминая, что Бог никогда не ходит в должниках.

Проигрывая в житейском плане, ты оживаешь в вере. Ты предпочел Бога, а не себя, предпочел небесное, и это — великое приобретение. Мало-помалу из отдельных кирпичиков — маленьких поступков — ты строишь вечный дом своей души. И когда придут искушения, ты сможешь их пережить, ибо у тебя какой-никакой дом и более или менее приличная пища.

Но если это тебе покажется несправедливым и ты предпочтешь себя, то и дома у твоей души не будет. И когда придут искушения, а они обяза-

тельно придут, твоей душе спрятаться будет негде, и у тебя отнимется то, что ты думал иметь.

Нет другого пути к Богу, как только уверовать. Живая вера — это всегда риск и постоянное Бога предпочтение. Но в этом предпочтении, теряя земное, человек обретает Бога и себя в Нем.

СТРАХ БОЖИЙ

Дар свободы — великий дар Бога Своему любимому творению. И чтобы правильно сориентировать человека в свободе, дабы она возрастала и укреплялась, Бог вселил в его сердце страх. Страх перед недолжным ее проявлением. И это естественный фон жизни для всякого человека, приходящего в мир, в совсем незнакомую жизнь с великим даром свободы и властью вечной жизни. Отсюда проистекает, что страх Божий — великая охранительная сила.

Страх Божий подобен совести, только значимее ее. Он живет в душе каждого человека, направляя его жизнь в русло Божественных велений, правильно ориентируя его в нравственном пространстве. Как невозможно определиться в естественном пространстве без точки опоры, так невозможно сохранить благородство души без страха Божия, ибо страх Божий — это благодатное состояние, которое возникает, когда человек находится в атмосфере Божественной Любви, это настоящая радость духовной жизни. Истинная свобода как раз предполагает постоянное развитие и одухотворение.

Бог зовет нас, свободных, страхом Своим в простор Своей вечной благодати. Строгая Божественная Любовь говорит нам о великом даре — жизни, которую мы обязаны реализовать на самом высоком уровне, преодолевая себя в эгоистических влечениях. Если же мы, потеряв страх Божий, запутаемся в них, то никогда не найдем того, что мы ищем, ибо одним из самых тяжелых заблуждений является незнание своих настоящих желаний. Желаний, которые никогда не разочаровывают.

Страх Божий как бы говорит нам то, чего мы пока о себе не знаем, объясняя необъяснимое. *Страх Божий — начало Премудрости* (ср.: Пс. 110, 10). Это таинство, оно содержит в себе знание сути жизни, которая ускользает при потере страха Божия. Это всегда четкая ориентация в исполнении Заповедей Божиих в самых сложных жизненных ситуациях. Это живое чувство Бога, и оно взыскует, требует определенной доли аскетизма, чтобы полнее и глубже переживать такое общение. При этом все земное, временное отодвигается, становится таким относительным, а Бог и вечность настолько желанными, что лишения, всякие затруднительные обстоятельства преображаются в радость.

Жизнь человека можно уподобить осеннему перелету птиц через океан. Страх Божий — это магнитный полюс вечности, страх Божий — это и крылья, и сила Любви, питающая сознание высших устремлений. С этого и начинается возвращение Богу дарованной нам свободы и наше становление как сынов Божиих.

ВЕЛИКИЙ ДАР БОЖИЙ — ЖИЗНЬ

Человек в плотских привязанностях враждует против Заповедей Божиих, то есть своим расположением ко грехам он враждует против Бога. Так было всегда... было у всех... и есть у нас — это как бы естественно. А покаянием все возвращается в нормальный жизненный порядок.

Что происходит сегодня? Нежелание покаяния породило в людях демоническое начало — противление не только Заповедям Божиим, но и человеческой природе, в чем просматривается явное водительство нечистой силы.

Н.В. Гоголь в повести «Тарас Бульба» в поведении Андрея показал суть греховных влечений, всегда вызывающих вражду против разума, против правды, против естественной любви к Богу, к ближним, к Отечеству. Под светлой личиной «свободной любви» Андрей протащил в жизнь предательство, подлость, смертоубийство своих соотечественников, которые любили его, и он был их «плоть от плоти». Это явление явной осатанелости. А ведь он был нормальным человеком, любил своих близких и свое Отечество. Но грех

ослепил его ум, как сегодня говорят, — зомбировал его.

Так выпукло, художественно Н.В. Гоголь показал личину греха, прячущуюся под многочисленными благородными масками.

Свободное чувство любви вне Бога ослепляет, и тогда свобода и любовь становятся разрушительным явлением. «Свободная любовь» — как это замечательно, но она поставила на карту жизнь огромной страны. Страна тонет в крови убитых детей, несчетно теряет их, искалеченных грехами. Приходит на память странное и страшное природное явление: змея, как магнитом, притягивает лягушку, заставляет ее идти в свою открытую пасть... и лягушка идет. Это ли не яркое «жизненное» подтверждение притягательности страшной силы, от которой Любящий Бог оградил нас Заповедями, а мы часто досадуем и рвемся к свободе, не ограниченной разумом и совестью.

На своем уровне каждый человек преодолевает (или не преодолевает) свои искушения. То есть грех действует и привносит свою горечь в каждую жизнь. Все это нам в назидание, что жить грехом нельзя, это болезненное явление, и при потакании греху в свое время он становится опасным и разрушительным.

Грех вообще очень страшное явление. Он дары Божественной Любви превращает в орудие смерти через Богом же данную свободу. Все это нам показывает, насколько серьезно все, что происходит в нашей жизни, насколько серьезен великий

дар Бога — жизнь. Именно жуткая возня «подпольных» сил открывает нам с неожиданной стороны ее, жизни, вечную значимость, заставляет сожалеть и скорбеть о невозвратно утерянном времени, понятом нами не вполне адекватно.

БЕЗРАЗЛИЧИЕ К ИСТИНЕ ЕСТЬ СОУЧАСТИЕ В «ТАЙНЕ БЕЗЗАКОНИЯ»

В Евангелии есть несколько установок, которых мы должны придерживаться в обязательном порядке. И главная из них — жить постоянно в некотором отвлечении от повседневной жизни: *Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение* (Мф. 26, 41).

Мы инстинктивно бываем осторожны там, где чувствуем опасность, но во всякое другое время предаемся беспечности, и это нормально для повседневности. Но в духовной жизни все несколько иначе, вера требует от нас постоянного внимания, не дает расслабиться из-за существующей постоянной опасности. В чем она?

Когда мы больше думаем о себе и о своем, «правильно» рассуждая — должна же у нас быть «личная жизнь», то как-то так получается, что постепенно и почти незаметно жизнь по вере сводится к минимуму, сохраняется одна форма, некоторое приличие. Опасность этого — в незаметности происходящего.

Но когда мы так живем, то не очень вникаем в то, что жизнь в вере и есть полнота, наполняющая все. И личную жизнь мы как раз должны ис-

кать в ней. Но мы, по расслабленности своей, все меньше и меньше способны жить этой полнотой, не замечаем постепенного отпадания от этого *источника живой воды* (Откр. 21, 6; ср.: Ин. 4, 14). И при определенной степени расслабления начинается необратимый процесс оправдания такого состояния, что делает наше настоящее покаяние проблематичным. И это уже установка на то, чтобы покориться своей греховности. И в этом заключена вторая, главная, опасность. Как ее следствие — вместо духовной жизни возникает фальшивость.

На таком фоне и вера наша давно стала формальной. И Евангельские предписания об осторожности проходят мимо нашего сознания. И таким невниманием к Божественным предостережениям мы открываем себя *тайне беззакония* (2 Фес. 2, 7), которая «распечатывает» перед нами «волшебную шкатулку» страстных и суетных увлечений.

Обо всем этом нам, православным христианам, стоит очень серьезно задуматься, ибо антихристу не нужны атеисты, ему нужна именно фальшивая вера.

ВЕЛИКАЯ ЛОЖЬ СЕГОДНЯШНЕГО ВРЕМЕНИ

Слово о Православии многими сегодня не воспринимается. Мнится оно в исполнении невозможным и потому считается нежизненным.

Но необходимо иметь в виду, что Христос обращался к уверовавшим. А поверивший Богу предполагает в сердце своем нечто иное, чем все то, что он видит в своей жизни. Уверовавшее сердце всегда расположено к поиску разумного устройства жизни. Православие предпочитает духовные радости, ради которых необходимо как-то развернуть свою личность, чтобы ощутить веяние вечности, пренебрегая ради этого некоторыми условностями, связанными с привычным образом жизни. Зарождение новых веяний в сердце человека располагает его к внимательному слушанию Слова Божия, ибо оно есть семя вечных мыслей. *Имеющие уши да слышат* (ср.: Мф. 25, 30).

Чаще всего человек слышит то, что ему хочется слышать. И если у него ум и сердце заняты совсем другим, то он Бога никогда не услышит, он занят собой и своим, и сердце его ищет себя в том, что оно уже очень хорошо освоило, — свои

вожделения, свои страсти. Оно перестает желать чего-либо иного.

О таких людях в Евангелии сказано: *видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют* (Мф. 13, 13), *и не обратятся, чтобы Я исцелил их* (ст. 15). И это касается не только неверующих, но и церковных людей, которые коснеют в своем неведении, не думают, не рассуждают, не работают над собой, не углубляют себя в познании своей веры, не исследуют ее неисповедимого богатства. Они отдаются модному веянию, которое утверждает, что Православие отжило свой век, что оно «поизносилось», что его нужно реформировать.

И это великая ложь сегодняшнего времени. Православие вечно в своей все побеждающей сути и спасительно для всех его познающих. Нельзя жить без воздуха и воды, нельзя жить без Неба над головой, нельзя жить без вечных законов Православия, ибо Православие есть хлеб жизни.

Православие сегодня — это последний оплот добра в мире, это великая организующая сила в его глубинной вечной правде. И все это очень хорошо понимают разрушители христианской цивилизации, они ведут прицельный огонь по главным ее святыням сверхточным оружием. Нам же внушают, что Православие устарело, и мы этому верим, потому что в каждом из нас страсти и грехи заглушили голос совести, а разум испуганно спрятался за «общественное мнение».

Но то, что нам подается под видом «нового веяния», по сути — старое язычество, погубив-

шее древний мир. И оно внедряется сегодня при повсеместном противоестественном развращении. Уже одно это должно заставить нас настояться...

И прислушаться к Евангельскому зову. Чтобы слушая услышать, видя увидеть, и уразуметь, что нет у людей другого будущего, кроме признания сего учения о Любви Бога к человеку и о любви людей друг ко другу.

ОБ ИСТИННОЙ СВОБОДЕ

Все люди, так или иначе, дорожат свободой как главной ценностью жизни. Казалось бы, это понятно, о чем говорить? Но тема свободы не такая простая, как кажется на поверхностный взгляд. Есть о чем говорить, особенно о том, кто и как ее понимает.

В христианстве свобода понимается как внутренняя свобода — освобождение от грехов, от страстей. Святая Церковь говорит нам: Господь сотворил человека гармоничным, а соотношение духа и плоти «поручил» регулировать совести и разуму. Он готовит его к вечной жизни через искушения и упражнением в воздержании, чем и утверждается настоящая свобода.

Современный мир живет в понятиях внешней свободы, что есть очень лукавая вещь. Суть ее сводится к единой мысли — «наслаждайтесь». Раскрученные страсти, их неуправляемость и ненасытимость — самое разрушительное явление жизни. Страсти и сласти, которые всегда необходимо сдерживать, уводят человека из-под власти разума. Если еще принять во внимание сласти и страсти духовные — гордыню, тщесла-

вие, сребролюбие, то о какой свободе можно говорить?

Одним из самых тяжелых разломов нравственности сегодняшнего времени, ярким продуктом внешней свободы является пристрастие к наркотикам. Очень странное явление, неуправляемое и неустранимое. Казалось бы, — свободный человек... И вот при всей его разумности сделать ничего нельзя. А Святое Православие просто объясняет это губительное явление одержимостью — одержимый посторонней силой до полной невозможности сопротивляться. Такое пленение страстью погружает человека в демонический хаос. Православие знает эти явления и предостерегает от них всех, кто дорожит своей свободой. То есть Православие хранит в себе глубинное знание жизни, которое необходимо всем и всегда.

Следует заметить, что наркотики бывают разные, и своя степень наркотической «радости» присутствует во всех удовольствиях, плотских и духовных. Именно поэтому Святая Церковь, желая сохранить духовную, то есть настоящую, свободу человека, ограждает его Заповедями, сохраняющими в равной мере и радость, и свободу.

Святая Церковь предупреждает, что дьявол использует сласти как свое оружие и ими пленяет ненасытного и беспорядочного человека, делая его беспомощным перед искушениями. Вся аскетическая наука Православия учит человека правильно обращаться с дарами жизни, осторожно пользоваться ими, не давая места демоническому влиянию.

Сегодня многие из нас несвободны в самой свободе. И все это происходит потому, что ищем свободу не там и не в том. Чтобы ощутить радость настоящей свободы, нужно *плоть распять со страстями и похотями* (ср.: Гал. 5, 24), на что мало кто решается. Но опыт Православия дает ошеломляющие результаты. Яркий пример истинной духовной свободы — образ преподобного Серафима Саровского. Свет его ума был явлен как видимый. Помыслите: невидимый ум был явлен видимым образом. Чистым сердцем он видел и понимал людей, сеял радость в их сердцах необыкновенную. Любовь его сердца обнимала весь мир.

Существуют два полюса: свобода Серафима Саровского и рабство наркомании; святость и греховность, а мы все — в разных точках между этими двумя полюсами. И эти примеры помогают нам понять, что есть жизнь в ее настоящем свободном варианте.

Свобода — это дар Любви Бога человеку, утраченный им в грехопадении. И она возвращена нам Любовью Господа нашего Иисуса Христа, Его Крестными страданиями. И по тому, как она дорого стоит, можно вообразить, какой это великий дар!

Вспомним апостола Павла: *стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства* (Гал. 5, 1). Вне веры в Бога вопрос о свободе не имеет смысла. То, что нам сегодня предлагается под видом свободы, при свете православной традиции являет глубокое, безыс-

ходное рабство человеческой ограниченности, а с точки зрения естественной жизни, — непреодолимое разрушительное явление.

И когда мы захотим пойти по пути уразумения сущности подлинной свободы, то этот путь окажется путем Христа ко Кресту. По мере нашей веры, это и наш путь... *Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись* (Деян. 4, 12). Спастись — это и означает: стать по-настоящему свободными.

О ПРЕЛЕСТИ

Все люди дорожат здоровьем, но часто имеют в виду здоровье телесное. А Православие главное внимание обращает на здоровье души, ибо болезни души серьезно осложняют жизнь. И в современном мире, где господствует установка на гордость, самомнение и ложь, нам надо яснее осознавать эту опасность.

О прелести, в той или иной степени присущей всем людям, сказано: прелесть — это совершившаяся лесть. Образно говоря, человек попал в сети лести, то есть погрузил ум и сердце в неправду о себе и в то, что ему льстило. Этот самообман опасен тем, что в нем растворяется разум: попадая в ложное пространство, он теряет ориентиры реальности. Лесть взламывает внутреннюю защиту разума против лжи. Все усугубляется еще и тем, что человек природно, преимущественно расположен к ожиданию чего-то хорошего, приятного, и в таком состоянии он более незащищен перед всякой льстящей его самолюбию ложью. А ложь, чтобы ее приняли, «льстит от души», возвращая опасные иллюзии.

Главная опасность в том, что прелесть может перейти в душевную болезнь, при которой все в человеке и сам он становится жертвой ложных представлений о действительности. Это странное состояние, некая «подвешенность», когда ноги не касаются земли. Очень большим несчастьем является эта душевная болезнь, в ней как бы исчезает личность, исчезает сам человек. Так всегда бывает при крайней степени прелести, когда человек поработается какой-либо страстью, поскольку лесь страсти отключает глубинные слои ума, ответственные за жизнь. В такое состояние легко впадают те, кто развивает в себе чувство превосходства над другими людьми, кто любит без меры наполнять свою жизнь радостями, переходя границу дозволенного.

Допустивший в свою душу приятную лесь не замечает, что она, принятая сердцем, заполняет все пространство его души. Человек в прелести уже не владеет собой, им овладевает ложь. И он ложь считает правдой, несмотря на очевидную ее несостоятельность. В этом, наверное, состоит похоть души... Можно сказать, что прелесть и есть развитая духовная похоть, не контролируемая разумом. Трудно преодолеть развитую похоть плоти, много труднее — похоть души.

Как разнообразны человеческие страсти, так многообразны состояния людей, подверженных прелести. Но мы говорим о ситуации, когда грехи гордости и болезненного самолюбия принимают сложные формы, граничащие с психическим

расстройством. Легко неопытному впасть в прелесть, выйти из нее очень трудно.

В области духовной жизни много миражей, много подмен, и потому необходимо быть осторожным. По мысли святых отцов, нормальное состояние человека — это когда он не придает себе особого значения, когда он ощущает свои грехи и немощи. Православие говорит нам, что каждому человеку необходимо помнить о своих немощах и чаще вносить поправки в свое душевное расположение. Только тогда мы будем правильно ощущать течение жизни и тем самым исключим многие заблуждения. И такое смиренное состояние души дает большое преимущество в мирном и благополучном ее устроении, ибо простое рассуждение о своих немощах примиряет нас с различными изменениями своего положения, сохраняет духовное равновесие.

Осознание своих грехов и немощей дорогого стоит, так как ставит нас в правильное отношение с ближними и с Богом, изменяя направление мыслей, поддерживая их внутренний порядок. В таком смиренном ощущении самого себя кроется глубокая правда, устраняющая все иллюзии. И это сильная, веками проверенная прививка, дающая истинное духовное здоровье, ибо все душевные болезни проистекают от самообмана, чувства мнимого превосходства и от больного самолюбия.

«Аще право житие желаеши — смирение держи, кроме бо сего право житие не состоится», — говорил преподобный Паисий Величковский.

СЦЕНАРИЙ НА ВЕЧНОСТЬ

Жизнь человека «изливается» в желаниях. В желаниях естественных радостей и радостей духовных, которые, постоянно возрастая, становятся преимущественными.

Радости духовных переживаний наполняют жизнь истинным смыслом. Например, радости настоящей любви, которые только и могут угасить жажду желаний и насытить душу. К ним она и стремится, по пути спотыкаясь о плотские наслаждения, имитирующие жизнь.

Практика Святого Православия легко открывает эти вечные сокровища для умной души. При их обретении душа понимает, какие опасные ямы на дороге жизни — страсти и грехи. Кажется, что они изобретены специально для того, чтобы мы не дошли, не нашли настоящих сокровищ. Хотя страсти тоже нужны. Ими как бы проверяется наша вера во Христа, проверяется верность своей вере. *Верный в малом — и во многом верен* (Лк. 16, 10); *никто не может служить двум господам* (Мф. 6, 24).

Заповедями проверяется наша разумность — понимание смысла жизни. Внутренние позывы

влекут душу к жизни, к вечности, ибо живет в ней предощущение вечного. И в этом желании душа живет своей настоящей жизнью.

Стремление к блаженству внешнего человека породило «прогресс». Он привлек внимание всех, ему начали поклоняться, ибо при его становлении открылись огромные возможности «удовлетворения потребностей». Но вот прошло время... И теперь трезвые головы всматриваются в «прогресс» с тревогой, оглядываясь и наблюдая его разрушительные последствия.

Это как в молодости — люди, живя в грехах, наслаждаются избытком здоровья, пока не устоялись мысли. А когда они приходят в разум и хотят начать нормально жить, то не все получается. Оказывается, что «цивилизация», при отрыве ее от веры в Бога, и природу разрушает, и приводит к деградации духовной жизни человека — сути его человеческого существа.

Святое Православие учит нас: природа — это продолжение плоти человека, к природе нужно относиться, как к своему телу: бережно и целомудренно (ср.: Быт. 3, 19). Но сегодняшние тенденции к ненасытивому разрастанию «потребностей» привели к утрате разумности. А природа, давая возможность удовлетворить эти «потребности» сегодня, теряет и самое необходимое в будущем, ибо глубина ненасытимости человека и сохранение «здоровья» природы — понятия несовместимые. Потому во весь рост встал вопрос о выживании человека на земле. И это — вместо жизни.

А если взять нравственное, интеллектуальное выражение «цивилизации» в интерпретации европейских искажений, то это — настоящее умоисступление.

Говорят, что это только начало. Не нужно много ума, чтобы понять, что будет потом. Но нас вновь и вновь убеждают, что этот «новый порядок» — на века. Хочется поправить — на вечность, и только по сценарию апокалипсиса.

ДУХОВНОЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Сегодняшнюю обстановку в мире можно уподобить состоянию после землетрясения самой большой мощности. Разрушены основы нравственной жизни, и ничто земное не в состоянии оказать помощь погибающим, ибо Бог и благочестие находятся в глубоком пренебрежении.

И все это происходит с большим или меньшим нашим участием, при нашей холодности в отношении своей веры. Для чего это часто повторяется? Чтобы все всё увидели. Это духовное землетрясение говорит нам о том, о чем мы думать не хотим. Мы не хотим слушать Бога, зовущего нас к жизни по разуму и совести, и вынуждаем Его показывать нам плоды нашего безумия и безответственности.

Вот мы без Бога пришли в такое нечеловеческое разорение, пришли *во глубину зол* (Притч. 18, 3). И мы еще пока не осознаем последствий этого разрушения и не очень этим обеспокоены. А последствия ошеломляющие — исподволь грозные адские испарения уже ощущаются в нравственном пространстве. Разрушение нравственности повлечет за собой каскад бедствий самого

непредсказуемого характера. Пока все это происходит как бы в замедленном времени, и это, наверное, потому, что неисповедимая милость Божия неисследимой верой в человека пытается вразумить нас.

Создавший мир из ничего, Бог может все восстановить. Нам нужно только захотеть, нам нужно только попросить... Нам нужно вспомнить, что мы люди, и начать жить по-человечески.

ПОНЯТЬ ЧЕЛОВЕКА

Быть понятым — великое благо. Это полноценность жизни, это как бы распространение себя в жизненном пространстве других людей (любимых людей), это взаимное проникновение душ, это неугасающая радость бытия.

Понимание — будни любви, *тихое веяние ветра* (ср.: 3 Цар. 19, 12) вечного покоя. Человек, осласливленный пониманием, воспринимает будни совсем иначе. А будни — большая часть нашей жизни, потому так дорог нам этот хлеб.

Наверное, во всем мире нет такой души, которая не тосковала бы по любви и, главным образом, по ее будням. Праздники любви скоротечны, и они не для всех. Но без любви повседневной, простой, как хлеб, человек жить не может. Как раз понимание — это ее начало, которое радует всех и всегда.

Любовь — тонкая ткань бытия. Своим светом и теплом она наполняет жизнь радостью. Вне ее и все разумное, и все значимое обесценивается, все становится в тягость.

Бог создал мир Любовью и подарил ее нам. Бог дорожит нашей жизнью неизмеримо больше,

чем дорожим ею мы. Он питает наш разум и насыщает его смыслом, Он питает наше сердце таким желанным для нас пониманием друг друга. Без Бога как высшего озарения жизни наступает хаос непонимания. Привнесенные в нашу жизнь инородные понятия, порожденные безбожием, сеют глубинную отчужденность в сердцах, сбивают нас с дороги нашей культуры, меняют язык и провоцируют пороки, в которых гаснет свет разума, отключается тепло сердец... И человек живет в инерции угасания.

Непонимание — всегда отторжение, гибель того ценного, что рождается в душе. И люди обречены на непонимание, если они не восчувствуют в душе друг друга ценности, которые дороги им, ценности разумные и необходимые. Но такими могут быть только ценности вечные. Люди смогут понимать друг друга, только когда захотят и потрудятся понять себя и познать Бога, то есть войдут в ту высшую реальность бытия, где все и всегда постоянно, где нет тумана безумных фантазий.

Нежелание познавать себя предполагает полную невозможность быть понятым. То есть все в самом человеке и вокруг него зовет к серьезному размышлению, а он это оставляет без внимания и стремится за своим желанием — чтобы его поняли. Поэтому понять его можно только в этом устремлении.

Неверие Богу, незнание, и вот — непонимание. Бесцельно бродя по берегу жизни своего сердца, человек недоумевает по поводу всего происходя-

щего. Отказываясь от Бога, он мучается неразрешимыми вопросами, не знает, не понимает себя, людей. Измучившись ходить во тьме непонимания, человек становится достоянием демонов, которые наполняют его сердце мраком тяжелых ощущений, возвращая в нем недовольство жизнью, которую он так и не захотел узнать.

Человек не принял Бога в свою жизнь — и нет в ней ни света, ни тепла, ни радости понимания. Жизнь без радости — какая жизнь? Ведь мы стремимся к любви, все хотим ею жить, и вот — ее нет.

Что же с нами происходит? Мысли о самодостаточности загрузили наше сердце, наглость страстей подавила истинную красоту. Временное закрыло вечное. Но временное не может заменить вечное. Душа всегда будет испытывать голод по Божественному, всегда будет тосковать о радости любви, которая обретается только на пути к Богу.

КРАСОТА НЕВЫРАЗИМАЯ

Вот цветок! Всматриваясь в красоту цветка — его цвет, его строение, чувствуя его благоухание, человек испытывает удивительное, необычайно приятное ощущение жизни. Цветок открывает в его душе то, чего он не знал о себе, что проявляется в чувстве благоговения.

Любой цветок красоты невыразимой и бесспорно понимаемой всеми — красиво и все. Люди любых убеждений остановятся и только — ах!

Красота неземная... Значит, что-то где-то есть превышающее наши понятия и ощущения. И это наглядно, и это для всех. Цветок — эталон природной красоты, и душа человека откликается на эту красоту всем существом.

А сам человек и его душа! Сколько в душе человека есть такого, что никакими словами выразить нельзя, что только отчасти являют поэзия и музыка. Незапятнанная душа ребенка слышит такую музыку, которая звучит всегда, только с годами мы перестаем ее слышать. А когда рождается любовь... В человеке все преображается, и он становится как бы неземным.

Все эти красоты, все эти возвышенные чувства и рождают православное понимание Бога и жизни, зажигают небесным вечным огнем Любви Креста Господня души, прикасающиеся к красоте. Это и есть настоящая жизнь, жизнь, где нет тления и безобразия. Господь всех зовет в Свое царство красоты и радости, где душа преображается, становится мягче и светлее.

О том печаль, что света и светлого все меньше и меньше остается у нас, потому что страсти, как тучи, закрывают солнечный свет. Красота зовет нас к иной жизни и наглядно показывает совершенные формы бытия, о которых по временам тоскует всякая душа. Но все красивое и радостное сейчас не в моде. Хотя эти слова остались, но они приобрели совсем другой (противоположный) смысл. Липкая поволока страстей, ложь покрывают самые глубинные, самые чистые, самые человеческие слои души, все опрощая, опошляя и вытряхивая в грязь лучшее и вечное, что есть в человеке. То, без чего жизнь теряет свое человеческое измерение. И на фоне красоты явственнее ощущаемы боль и искажение нашей жизни, уродство греха.

Очень странные вещи совершаются с нами, как будто кто-то поворачивает нас лицом к небытию. Чувствуется постороннее вмешательство в нашу жизнь какой-то непостижимо злобной инородной силы, о которой Откровение говорит нам как о «нечистой силе» (см.: Откр. 18, 2), пытающейся все испачкать, исказить в самом человеке, чтобы он не услышал зова Бога в настоящую жизнь,

которая возможна не где-то и когда-то, а здесь и сейчас.

Завистью сатаны вошла смерть в мир — было чему завидовать. Зависть дьявола — самая разрушительная страсть, только мировой могильник может ее успокоить. А может, и не успокоит...

А цветы остаются... Это вестники вечности, и вечный голос Бога всегда будет звучать в природе. Но сегодня от пренебрежения Богом цветы, хоть и остаются, но как бы на могиле.

Словно мировой ураган охватил лютой непогодой землю. Повсеместное, всеобъемлющее погребение красоты, совести, благородства, любви. И страшное единство в страстях.

Это страшный сон, похожий на смерть. Как трудно во сне перекреститься, как трудно во сне молиться. Это происходит с нами во сне нераскаяния.

Как трудно проснуться, но как это необходимо. Время еще есть, и Господь с нами всегда, ныне и присно. Господи, разбуди нас, «да не когда уснем в смерть»¹.

¹Тропарь Григорию Чудотворцу, еп. Неокесарийскому; и др.

О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ДОСТОИНСТВЕ

Не вари козленка в молоке матери его (Втор. 14, 21). Здесь, наверное, не о козленке говорится, эти слова имеют иносказательный смысл, как и всегда в Священном Писании.

Человека преимущественно характеризует уважение к жизни в любых ее формах. И существует некий принцип, положенный во главу угла жизни — *краеугольный Камень* (1 Пет. 2, 6), Он является связующим звеном времени с вечностью. Все грехи — это попытка обойти этот *Камень*, *варить козленка в молоке матери*. Все грехи — есть желание убрать Его с дороги жизни любыми средствами, даже противоестественными. И тогда человеческое в человеке замирает. И это общий путь всего противоестественного, не уважающего жизнь в ее лаконичном, гармоничном, чарующем, естественном звучании. Общий путь для пренебрегающих человеческим достоинством.

Приходящему в мир человеку Бог дает уроки благородства. И все люди ощущают в сердце своем границу своего достоинства, не переходя которую, они, несмотря на множество грехов, оста-

ются людьми. Но о перешедших эту черту так сказать уже нельзя. Опасно то, что для ослепленных страстями эта черта делается невидимой. Но когда ее переходят, она — невидимая — становится непреодолимой стеной.

Очень трудно вернуть утраченное человеческое достоинство, без которого жизнь во многом теряет свою привлекательность. Ведь ощущение в себе человеческого достоинства всегда было и есть наивысшее переживание радости жизни, ибо сим переживается сопричастность к Божественному.

Вот почему бесы в первую голову хотят отнять это наше человеческое достоинство, раскручивая до неуправляемости наши страсти. Они хотят погасить «свет» в человеке, сделать его «тьмой».

Печать человека — образ Божий, сообразующийся со всякого рода красотой и небесным благородством. Если это в пренебрежении, ему остается преимущественное ощущение пустоты. Тогда вместо покаянного рассмотрения себя человек ищет себе оправдание и начинает сомневаться в наличии высшего начала жизни — Бога.

Подобно тому — сомнение саддукеев и их «разумное» возражение против Воскресения. В этом их сомнении как бы суть, глубина, принцип всякого рода сомнений, во всех до бесконечности возражениях, очень правильных, очень умных, с точки зрения человека. В этих саддукейских сомнениях отражена вся немоть человеческих суждений — узких, однобоких, но претенциозных...

Козленок не знает, в чьем молоке он варится, — соображение естественного порядка. Да, правда, он не знает. Но здесь присутствует нечто такое, что это правильное суждение делает подлостью, против которой восстает наше человеческое достоинство. И тогда суждения разумными быть перестают. И так во всем: на поверхностный взгляд, все правильно — суждение простое и разумное, а когда восчувствуешь — сразу все и рассыпается.

Библейский закон распространяется на все недуги мнимого оправдания противоестественных влечений, в которых заключен демонический соблазн. *Не вари козленка в молоке матери его*, то есть будь всегда человеком.

О ХРИСТИАНСКОМ ПРИЗВАНИИ

Наша Россия стала как разоренный дом, а церковная жизнь в ней — как запущенный сад, а мы — как опавшие листья. *И беззакония наши, как ветер, уносят нас* (Ис. 64, 6). И никто не ищет Бога, и никто не думает о спасении своей души.

Все наши мысли — в заботе и печали о своем земном доме и его благополучии. Находясь под постоянным воздействием секулярного облучения, мы потеряли правильные жизненные ориентиры и бредем каждый в сторону своего эгоизма. Грех сделал нас беспечными, черная дыра суеты поглотила наши души и создает иллюзию свободы и благополучной жизни. Мы страстями сомкнули глаза и погасили свет своего ума.

Святая Церковь, как мать, пытается собрать нас, своих заблудших детей, чтобы согреть наши охладевшие сердца, послужившие причиной такого запустения нашего дома.

Время ни в чем не виновато, *Христос* всегда Один и *Тот же* (ср.: Евр. 13, 8), и Его благодать всегда пребывает в Церкви. Все дело в нас, усердно забывающих о своем Отечестве, о своем христианском призвании, о своем вечном Доме.

Потому и временный наш *дом строится на песке* (ср.: Мф. 7, 26) до первой серьезной непогоды, ибо если *Господь не построит дома, напрасно трудятся* строители (ср.: Пс. 126, 1).

Мы призваны строить Россию. Только она может быть настоящим нашим домом, созданным на «недвижимом камне Православной веры».

«С НАМИ БОГ!»

С нами Бог (Ис. 8, 10). Когда с нами Бог, то все в жизни меняется, преображается: нежелательное становится вождленным (например, пост, молитва); трудное становится легким (попросить прощения); страшное изменяет свое лицо, и в нем просматривается что-то доброе (страшно, но не очень). И во всем чувствуется, проглядывается какой-то смысл, который, как солнечный свет, все согревает жизненным теплом. Всем недовольный разум успокаивается, гордый и мятежный, он становится кротким, как у ребенка.

«Бог есть Свет» (см.: Ин. 1, 7–9). И когда Он светит, то страсти видятся уже не радостью, а наказанием, какими они на самом деле и являются. Как будто какой-то злой дух заставляет делать гадости с ненасытностью. Оглядываясь, понимаешь — если бы я был в уме, никогда бы этого не сделал.

Сегодня многие считают, что жить без иллюзий и лукавых страстей невозможно. Это так, когда нет с нами Бога, и Его Свет нам не светит.

Без Бога жизнь — недоразумение: разум томится неразрешимыми проблемами, сердце из-

нуряется ненасытными страстями, затравленная совесть испуганно молчит. Утрачены разумные ориентиры, все сдвинуто со своих мест.

Но я молюсь: *Помоги нам, Боже, Спаситель наш, ради славы имени Твоего* (Пс. 78, 9). И особая радость — молитва «С нами Бог». Ею и в ней оживает моя душа.

МЫСЛИ ВСЛУХ

Интересное, с точки зрения самопознания, явление: все философские учения, экономические и социальные теории, лежащие в основе политических движений и революций, на какое-то время представляются непреложными истинами — и очень многие заражаются их правотой. Но проходит время... И все, что казалось умным, жизненно необходимым, вдруг оказывается, мягко говоря, совсем не таковым. Так, может, все то, что сейчас затевается, ждет похожая судьба?

Сегодня в свете «демократических» перемен многое, очень важное, снова переосмысливается. Вновь встал вопрос о фундаментальных ценностях жизни. Опять, уже в который раз, «маммону» тащат в гору, уже в который раз душу и совесть затаптывают в грязь. Всерьез рассматривается вопрос о поиске ценностей «превыше и значимее» совести. И снова, как и ранее, гибнут люди, сломаны миллионы судеб. Спрашивается: почему все наши «стройки» и «перестройки» обрачиваются миллионами загубленных жизней?

Есть о чем подумать для тех, кто способен думать. Это ведь очень странное явление, стран-

ное безотносительно к отдельным историческим личностям и характеру времени: тогда были одни странности, сейчас — другие. Но дело не в странностях, дело в нас — на ошибках нужно же учиться?!

Конечно, все непросто... Просто так ничего в жизни не бывает. Все (даже безумие) несет смысловую нагрузку, для чего-то необходимую. Происходящее в данной ситуации необходимо для уразумения нашего неразумия.

Время (любое время) и все, что оно с собою несет, наполнено Божественным смыслом, в нем таинственно присутствует Вечность. Все, что совершается при нас, очень значимо. Сквозь все события просвечивает один очень важный вопрос — вопрос о свободе, о самом человеческом в человеке. Ужесточение человеческих отношений во всех сферах жизни попущено Богом для испытания нашей свободы. В экстремальной ситуации человек в полноте являет свою свободу, определяет свой выбор: он с кем — с Богом или против Него? Это коренной вопрос всех революций (и сегодняшних — тоже). Это главный вопрос жизни: Царство Бога или царство дьявола, который «мягко стелет (теория), но жестко спатъ (жизнь)».

Апокалипсис совершается в жизни каждого поколения с безусловной необходимостью. Так или иначе, все живущие на земле проходят его вратами, безошибочно определяясь в своей вечной судьбе.

«У природы нет плохой погоды», у Бога нет «плохих» времен. Всякое время потребно и

благословенно, все исполнено смыслом и значением. Все прошлое и настоящее — для будущего!

Смысл — самое глубокое понятие. И сегодня странно то, что в одном ряду находятся ошеломляющие достижения разума и тотальное пренебрежение смыслом. Смысл стоит во главе угла разума, а им пренебрегают... Отчего же к нему такая неприязнь? Дело, наверное, в том, что смысл всегда задает разуму и совести «неуместные вопросы» и... портит настроение. Ведь если отвечать на эти вопросы, то рождается ответственное поведение, а оно, в свою очередь, «бьет по рукам», протянутым ко многим мирским радостям и удовольствиям (безумным и бессовестным). Когда начнешь их рассматривать осмысленно, видится само- и взаиморазрушение, ибо отвергая краеугольный камень разума, ничего построить невозможно ни в личной жизни, ни в общественной. На наших глазах разрушаются личность, семья и государство, несмотря на ошеломляющие достижения разума.

Строительство без смысла есть похоть строительства. Сколько уже всего такого строили, сколько перестраивали — печальные примеры мало кого вразумляют...

Есть истинные ценности жизни, а есть кажущиеся; есть вечные ценности, а есть временные, которые со временем исчезают, ибо *видимое временно, невидимое вечно* (2 Кор. 4, 18).

Происходят на земле войны — видимые и невидимые. Единственная в мире настоящая война, которая началась во времени и окончится, когда окончится время, — это война за человека, за вечные человеческие души. Все, что мы сегодня переживаем (и что переживалось во все времена), — это видимое проявление невидимой войны, потому часто все так непонятно по сути.

История как наука, объясняя, искажает (она всегда по необходимости пристрастна), чему убедительный пример — революция 1917 года: говорили об одном, а суть революции была другой, была развязана война против Бога, которая началась в невидимом ангельском мире, а в человеческом измерении продолжалась как война против совести. Все остальное было прикрытием, ибо без обманов такая война невозможна. Вся суть подобных войн — в обманах.

И сегодня идет война лжи против Истины. Мы переживаем время «вавилонского» смешения святыни с грязью. Все в мире восстало против совести, люди, как никогда, солидарны в пороке. Совесть стала стыдиться самое себя, а зло, завладев вниманием человека, притягивает его душу к пороку и... ослепляет ее. А слепая душа *видя не видит* (см.: Мф. 13, 13), то есть видя глазами весь ужас происходящего, не видит совестью — безответственно видит себя. В ослеплении пороком человек не замечает своей вины. Грех стремится погубить наши семьи, веру, Отечество, но духовно ослепленным кажется, что все происходит по каким-то от них не зави-

сящим причинам. В этом и заключена тайна сердечной слепоты.

Невидимая война совершается в сердцах и умах людей. И как Благодать созидает мир, так невидимое зло греха мир разрушает. Но те, кто устоит в этой невидимой войне, будут настоящими победителями, ибо они сохраняют свое вечное достояние — Совесть. Они до смерти останутся верными Богу, и с этим войдут в Вечность.

Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа? (Ос. 13, 14; 1 Кор. 15, 55).

Человек носит в себе и добро, и зло — все в нем в великом смешении. Происходит возрастание добра и зла, «пшеницы и плевел» (см.: Мф. 13, 24–30), и без тяжелых обстоятельств, которые вскрывают все сокровенное в душе, не разобрать, что в сердце каждого из нас превозмогает, что мы по-настоящему любим и хотим.

Разобраться в себе — ничего важнее этого для человека нет. Невидимая (да и видимая) война помогает ему понять себя, устраняет смешение. Это *жатва в поле* (Иоил. 1, 11), на котором росли вместе пшеница и плевелы.

Войны-то, собственно, никакой нет, а есть внутренняя борьба каждого с самим собой перед лицом совести при понуждающих обстоятельствах.

Только абсолютное добро не подвергается испытанию, оно есть, оно незыблемо. Почему *врата ада не одолеют Церковь* (ср.: Мф. 16, 18)? Потому что в ней присутствует невидимая Благодать абсолютного добра, она не нуждается в испытании.

Церковь в самых лучших своих представителях от века предопределена в добре. Спаситель — Единый Безгрешный — есть Глава Церкви. Все остальное будет выгорать до полного очищения: ложь в человеке выгорит, а правда останется. И человек *сам спасется, но так, как бы из огня* (1 Кор. 3, 15).

Человек — уникальное творение, и уникальность его в том, что он соединяет в себе два мира: видимый и невидимый. Верующий в Бога акцентирует внимание на духе, неверующий — на плоти.

Тело очень важно для человека — это фундамент, но оно ни в какое сравнение не идет со значимостью души — ума, сердца, совести. Настоящий человек — человек духовный; настоящая жизнь — жизнь в Духе. «Душа — это то, что делает траву травой, дерево — деревом, а человека — человеком. Без души трава — сено, дерево — дрова, человек — труп» (Григорий Сковорода). Что бы ни совершалось в плоти — все проходит и предается забвению. В Духе все остается и сохраняется навсегда.

Христианство — это победа в Духе, это победа навсегда. И внутренняя борьба в человеке есть борьба души и тела: или душа одухотворяет, преобразует плоть и спасает Жизнь, или плоть заземляет душу, и заземленная, оторванная от Бога душа губит Жизнь. Как только исчезает в душе зов Вечности, интерес к жизни охладевает. Тайна пустоты и скуки заключена в том, что время

лишено связи с Вечностью, ибо только видение земных событий в свете Вечности позволяет постигать их истинное значение. Только будущее (вечное) делает осмысленным настоящее.

Что может перемениться в нашей жизни, если мы не переменимся? Главная причина всех наших бед — стремление к земному благополучию с готовностью принести в жертву совесть. Победа плоти есть самое страшное и окончательное поражение, за нее-то и зацепился дьявол, чтобы погубить душу, и бесы все повисли на ней... Но душа никогда не сможет привыкнуть только к плотской жизни, она задыхается в преходящем.

Победа наша — наша вера. Она являет нам бытие Бога и иного мира, и только она успокаивает душу и животворит надежду.

Святые отцы в горестях чаще думали о радости, а в радости помнили о горестях. В этом отчасти заключена духовная мудрость.

А мы все заунывали от приходящих ветров антихристовых. Хотя Апокалипсис нам не только страшное открывает, но и о радостном говорит (см.: Апок., гл. 21–22). А мы не внимаем, страхи поглотили нашу душу, потому что все немощны.

Святые отцы в своих рассуждениях много успокоительного открывают. Разве страшно будет только нам, верующим? Да сколько людей уже живут страхом смерти, страхом опасности и мучений, ибо все это — для всех людей, только в разное время. А мы печалимся? Да мы глупее неверующих! Разве не нам обещано избавление,

не нам сказано о том, что Господь *приготовил любящим Его* (1 Кор. 2, 9)? Или мы не хотим быть достойными этого дара? Видимо, не хотим, ибо Духа Божиего нет в нас из-за нашего малодушия, из-за нашего неверия.

Мы растворили свою душу в радостях этого мира, и его предстоящая гибель пугает нас. Наши грешные души разрываются между миром и Богом, желая соединить несоединимое. Мы не верим Богу своему, Который обещал нам Свою *силу, в немощах совершающуюся* (ср.: 2 Кор. 12, 9). Не в обычной немощи, когда мы ленивы, а в немощи, послушной Богу, когда человек, осознавая свою несостоятельность, отдает себя в руки Бога.

Факты истории свидетельствуют о том, что «мудрость» человеческая не всегда приносила ожидаемые результаты. «Мудрость» самосохранения и сохранения Церкви понуждала на компромиссы сомнительной допустимости, и все это в конце концов ни к чему не приводило (в историческом рассмотрении тому пример — Брестская уния¹, реформы Петра Великого², декларация

¹ Брестская уния (Брест-Литовская уния) — присоединение в 1596 г. православных, признавших власть Римского папы, к Католической церкви на территории Речи Посполитой с сохранением восточного литургического обряда. Решение об унии было принято несколькими иерархами Киевской митрополии на соборе в Бресте. Результатом унии стало образование Греко-католической церкви.

² Имеется в виду церковная реформа Петра I, согласно которой было упразднено Патриаршество и образован Святейший Синод, члены которого назначались Императором. Был учрежден Монастырский приказ для контроля за монастырями. В резуль-

митрополита Сергия (Страгородского)¹, — ибо часто сложная мудрость компромисса есть обыкновенное лукавство.

Нечеткость позиции — это зыбкость сыпучего грунта, на котором ничего твердо стоять не может. Лукавство сделало западное христианство пустым, бессмысленным и безопорным, Благодать обратило в прах... Лукавство — это очень серьезно, оно делает бессильным всемогущее Слово Бога (не в сути, а применительно к нам). Оно все ставит под сомнение, подменяет все верные ориентиры.

В личной истории это еще чаще и еще зримее. Конечно же, не от хорошей жизни лукавство стало нашим хлебом. Лукавство — часто простая возможность выжить. Это наша немощь, она очень понятна, обыкновенна и извинительна.

Но не нужно намеренно путать понятия и явления. Дело в том, что эта немощь перестает быть таковой и становится страшным оружием дьявола, когда мы лукавство называем мудростью и вместо покаяния ищем ему оправдание.

тате реформы духовенство, подчиненное государству, в значительной мере лишилось самостоятельности.

¹ В 1927 г. митрополит Сергей (Страгородский), будучи на тот момент заместителем Патриаршего местоблюстителя и фактически главой Московского Патриархата, выпустил официальную декларацию, призывающую верующих лояльно относиться к советской власти. Декларация была неоднозначно воспринята членами Российской Православной Церкви и Русской Православной Церкви Заграницей.

Одно из самых таинственных явлений жизни нашей души — это отношение ко всякого рода лжи. С одной стороны, все мы отлично понимаем, что предмет лжи — это то, чего нет, чего не существует; с другой — эта «пустота» до отказа наполняет нашу жизнь. И не то, чтобы все совершалось без нас, именно мы сами склонны ложь подавать и принимать как правду, как то, что есть. И не просто есть, а как бы является главным содержанием нашей жизни.

В чем дело? Почему так?

Ложь нам льстит: льстит уму, льстит чувственности, льстит самолюбию (*коварство козней льщения*. — Еф. 4, 14), льстит нашей «самостоятельности» (гордыне). Она погружает нас в мир «собственной» жизни, самодостаточной, «независимой» жизни. Ложь — как бы виртуальный мир виртуального покоя.

А как же правда? Ею жить трудно, особенно сейчас. И главный момент: правда нам о себе самих может наговорить и говорит много такого, после чего очень трудно, если вообще возможно, уважать себя. А так хочется... Ложь «помогает» нам в этих трудностях, и мы продолжаем существовать, уважая себя и осуждая других. А для «полноты комфорта» врем себе и другим, чтобы самолюбие наше спокойно паслось на лужайке жизни...

Правда зачеркивает все наши дни, проведенные в прихотях и похотях, и понуждает всерьез заниматься своей совестью. Правда сеет смятение и боль из-за совершенных и совершаемых ошибок (грехов), потому мы, чтобы жить, как привыкли,

вынуждены врать, и это нам помогает. Но только здесь и сейчас...

Сегодня многие озабочены оправданием греха, изощряются в «разумных доводах» о его естественности и необходимости... В упор не замечая его разрушительных последствий.

Горько осознавать, что и воспитание, и образование, весь социум безответственно ориентирован на разрушение личности, на стремление наполнить ее низшими, эгоистичными влечениями при явном, открытом пренебрежении человеческим достоинством.

Спрашивается, кому и зачем это нужно? И это сегодня не праздный вопрос. Кому-то очень нужно, чтобы все в мире стали чужими друг другу, не стало бы естественного, родного, милого, святого, то есть всего того, чем питается наше сердце. Все направлено на то, чтобы сама жизнь для человека стала чужой.

Печальные мысли... Ибо секуляризация — это процесс омирщвления религиозного сознания человека и одновременно это процесс умерщвления его души.

Люди, мы, — странные существа... Реально существуют очень страшные вещи (грехи, страсти) — мы же совсем их не боимся и... даже любим; а есть — простые, обыкновенные, обыденные ситуации, а мы их очень боимся. Отчего такая перевернутость в нас? Мы чего-то не видим, чего-то недопонимаем? Что с нами происходит?

Вот — змея, она страшна своим жалом, в нем заключена смерть. Если жало вырвать, то все другое в ней не страшно. Вот — смерть, ее жало — грех, если вырвать грех, то смерть уже и не смерть, а переход в Вечность. Мы каждый день умираем (умираем каждому дню) без всякого страха. Чего же бояться? День прошел — и слава Богу, завтра будет день другой... Время впадает в Вечность, приходит наше время, и мы вместе с ним входим в Вечность — все так естественно, нормально.

Ошеломляющий страх смерти порождает ужасающее зло этого мира, корень которого кроется в грехе, потому его Господь и запретил. Из этого корня растет все жуткое разнообразие противоестественных страхов. А в чем жало самого греха? Его жало — в непостижимом «таинстве» обмана. Собираательная суть обмана, собираательная суть греха в том, что мы верим во что угодно, но только не в Бога. Да и в Бога веруем не так, как должно. Мы верим кому угодно, даже тогда, когда наверное знаем — обманывают. И не верим Богу, обетования Которого подтверждены всей историей жизни. Потому безумные страхи сковывают нашу душу при мысли о смерти.

Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога, и в Меня веруйте, — говорил Христос (Ин. 14, 1), ибо веровать в Бога так же естественно, как верить в завтрашний день. Верою преодолеваются все страхи, и страх смерти тоже.

Непостижимость судеб Божиих (ср.: Рим. 11, 33) невольно приводит к размышлению о Вечно-

сти. Можно предположить, что это — отражение неба в судьбе каждого человека. Человек — бесконечность в желаниях, в ощущениях, в мечтах и ожиданиях, и потому, наверное, пути его жизни теряются в пространных глубинах времени.

Сколько раз в своей жизни, всматриваясь в звездное небо, мы ощущали успокоенность, переживали величие мироздания, уводящее нашу душу к другим берегам... Глядя на небо и на судьбы Господни, начинаешь ощущать величие всего происходящего и крохотность своего существа, и смиряешь свое сердце перед событиями, которые порой загораживают перед тобой Свет жизни. Глядя на небо, созерцая дивность мироздания, невольно веришь в Божественное Всемогущество, для величия Которого нет ничего малого, Которое в свое время везде и во всем восстановит порядок и гармонию. В непостижимом и бесконечном пространстве Его Сердца найдут приют все недоумения, успокоятся все скорби, все и вся сольются в едином возгласе непередаваемой радости.

Вера в Бога и есть настоящее счастье. Она наполняет человека покоем надежды, ощущением полноты жизни, определяет главный вектор желаний. И это не просто слова, это — многовековой опыт людей, которые прошли Божиими судьбами, растворили свои желания в Божественных велениях и для которых совесть была самым главным ориентиром в жизни.

А неверующий человек — это *звезда, блуждающая во мраке* (ср.: Иуд. 1, 13). Всю жизнь он ищет

себя, скитается по бесконечным лабиринтам своей вечной души и ничего не находит... Все поиски Рая на земле обречены, ибо душа человека небесного происхождения. И только тогда успокаивается *блуждающая звезда*, когда попадает на свое место в вечной гармонии вечных светил, прославляющих Бога.

Всякий человек — галактика, тайна, до конца непостижимая ни для себя, ни для других. И разгадка этой тайны — в Вечности, к которой стремится нас неумолимое время...

В человеке всегда присутствует желание быть значимым. Что-то живет внутри него такое, что озаряет его жизнь светом возможных настоящих дел, ибо в каждой душе существует потребность «сеять разумное, доброе, вечное...»¹.

Но эту потребность «настоящего» гасит забота о плоти, которая заявляет о себе как о единственно достойной внимания. А сегодня забота о ее радостях стала для многих главной составляющей жизни. Ожиревшая плоть «клеветает» на душу, «насмехаясь» над ее стремлением к высокому.

Суэта повседневности, удовлетворение потребности плоти — необходимость, но жить только этим нельзя, ибо истинная радость жизни заключена в переживании вечного. В ожидании этого и терпит человек суетность повседневной жизни, и если отнять это ожидание, то жизнь сразу станет серой, скучной. Именно стремление к

¹ Строка из стихотворения Н.А. Некрасова «Сеятелям».

«настоящему» делает человека человеком, сохраняет ценность его духовной составляющей, простигает его в вере, совершенствует в настоящей любви — к Богу, к Отечеству, к близким.

Однако это стремление у различных людей различно и часто носит тоже суетный характер: кто-то мечтает стать «великим», кто-то желает прославиться любым путем... Святая Церковь открывает нам тайну нашей значимости, живущей в нас как потребность. Помогает уразуметь, что настоящее свое значение человек обретает в Боге, когда уверует в Него живой сердечной верой. И тогда вера преображает всю его жизнь так, что даже суетное и повседневное обретает глубокий смысл.

Господь Иисус Христос иногда говорил ученикам странные слова, *многие*, услышав их, *отходили*. И ученики Христовы, недоумевая, спрашивали: *кто может это слушать?* На вопрос Христа: *не хотите ли и вы отойти?* — апостол Петр отвечал: *Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы жизни вечной* (см.: Ин. 6, 47–69).

Непонятные слова потому и непонятны, что они говорят о вечном, для нас непостижимом, ибо нашим мыслям невозможно подняться выше земных представлений.

Не стал Господь ничего объяснять ученикам, оставил все, как есть...

Так, в Евангелии говорится: *Столько чудес сотворил Он перед ними, и они не веровали в Него* (Ин. 12, 37). И многое очевидное, понятное нами

не воспринимается. Часто человек ведет себя странно как в отношении непонятного, так и понятного ему.

Всякий человек в своей жизни видит столько загадочного, удивительного, но необъяснимого, как в самом себе, так и в окружающем мире, и принимает это как должное. И в то же время — очевидное, разумно-необходимое для жизни (воздержание, терпение, любовь, смирение) — не принимается к исполнению, всячески игнорируется вопреки разуму и пользе. То есть одно мы, слыша, не понимаем; другое — слыша, понимаем, но не принимаем, что также необъяснимо. Может, первое непонятно потому, что второе пренебрегается нами?

Понимание есть постижение, где *сокровенный сердца человек* (1 Пет. 3, 4). Ибо вере присуща интуиция, которая глубже разума. А когда душа верою тянется к вечному, то и непонятное делается близким, родным. Сердце понимает, что именно сказано, чувствует: в этих словах бьет родник жизни, этими словами открываются тайны будущего века, разрываются узы земных представлений и суждений. И смиряется с этим, как с само собой разумеющимся.

В жизни человека много таких понятий, которые словом выразить крайне затруднительно. И еще больше таких ощущений, которые передать словом просто невозможно (одно дело — говорить о любви и совсем другое — любить). Между тем эти состояния души очень и очень важны,

можно сказать, что ими мы прикасаемся к сути самой жизни.

Православие — духовно-нравственная ветвь христианства. Именно оно открывает возможность ощутить ту самую духовную жизнь, о которой проповедует. Потому-то о самом Православии говорить тоже трудно.

Сердцем воспринимаемые радость, красота, любовь — главные составляющие жизни человека, ибо опыт сердечного прикосновения открывает душе Бога. Потому пока сознание человека «вертится в словах», он обречен на бесконечные поиски, так как природа рассудочных доводов подобна лабиринту, нигде и никогда не имеющему выхода.

Человеку нужно погрузиться в себя, в свою глубину, где нет треволнений суеты, где мысль привязана к сердцу, где тайна бытия ощутимее.

Странны, загадочны слова пророка, царя и друга Божиего Давида: *Аз же есмь червь, а не человек, поношение человеков и уничижение людий* (Пс. 21, 7). Что это он говорит? Кому он это говорит? Зачем он это говорит? И ему вторит замечательнейший из всех людей на земле, апостол Павел: *Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый* (1 Тим. 1, 15).

Простите, если они говорят это искренне (другого предположить нельзя), то кто же тогда мы? И что нам делать? И как нам жить? Самые благодатные люди земли сравнивали себя с землей. Если это сказано для нас, то как это понять? А если не для нас, то для кого и зачем?

Наверное, наше благое размышление должно предполагать, что эти слова вырвались невольно, когда сошла на этих людей благодать Всесвятого Духа. Озарение Невечерним Светом дало им возможность увидеть такое, что все земное и их самих повергло в прах: *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9). Человек, наверное, есть то самое «ничто», из чего Бог создал «все», и это «все» — *добра зело* (Быт. 1, 31).

Нас не озаряет такая Благодать, мы себя не видим, потому считаем себя людьми. А пророк Давид и апостол Павел повернулись к Богу лицом, и Фаворский Свет осветил их, высветил их человеческое несовершенство.

Тайна прозрения — это тайна вечной жизни, что раскрывается во времени в таком странном и неправдоподобном выражении. Приближение к Богу другим не бывает. Пророк Давид и апостол Павел увидели себя ничтожными относительно Бога. А мы мерим себя собой, своим неразумием, потому все вечное, Божие, настоящее нам временами кажется нелепым.

Тайна смирения и тайна гордыни — это восход и закат жизни.

Дальние звезды влекут нашу мысль в Вечность... И Заповеди Божии, многие из них, — это далекие, далекие недостижимые звезды, но только по ним мы находим дорогу к своей душе и потом — к Богу. Они — мост от времени к Вечности, от видимого к невидимому.

Заповеди Бога — это Его Любовь к нам, Его забота о насажденном человеческом винограднике. Они предохраняют нас от бессмысленного блуждания по жизни.

Посильное исполнение Заповедей являет любовь человека к Богу. В возможном их исполнении проявляется в жизнь весь человек, а не одна его чувственная сторона, которая проливается в жизнь как бы сама собой. Как иконостас в церкви, закрывая, открывает, — так Заповеди, ограничивая, освобождают человека от хаоса страстей, облагораживают и его чувственную жизнь, претворяя ее в духовную. Они — идеальное наполнение жизни, это сама жизнь, ибо Христос *есть Путь и Истина и Жизнь* (Ин. 14, 6).

Заповеди — это порядок жизни, ее строй, ее гармоничное звучание. Это зов Бога, это как молоко матери для родившегося младенца. Конечно, бывает, вскармливают дитя и чем придется, но ничто молока матери не заменит.

Человек живет дорогой к Богу (время указывает на это). Заповеди — верстовые столбы, при любой погоде указующие ему путь...

В нашем положении постоянно согрешающих важно рассудительно относиться к Заповедям Бога.

Есть формальный подход к исполнению Заповедей и жизненный подход.

В чем заключается формальный подход? Внешнее, естественно, должно исполняться, но рассчитано оно на среднего человека, живущего

го в нормальных условиях, что для современной жизни нереально. Жизнь изобилует всякими искушениями, обстоятельствами повышенной сложности, потому формальный подход к Заповедям — это нежизненный, лицемерный, фарисейский подход. Иисус Христос разрушил такой подход словами: *суббота для человека, а не человек для субботы* (Мк. 2, 27).

Все — для человека и его спасения. И часто так бывает, что жизнь влечет человека по бездорожью, где соблюдать правила дорожного движения просто невозможно, невозможно не запачкаться, невозможно не упасть. Но человек живет, и Господь *не хочет смерти грешника* (Иез. 33, 11), потому-то необходимо применять Божий закон и к условиям бездорожья. Заповеди — идеал, общее направление, которого нужно держаться в своей жизни.

Почему Заповеди даны в идеале? Наверное, потому, что Заповеди — это дверь, за которой — Вечность. Они — предел земного движения, обозначение границы между временным и вечным. Они к нам пришли из Вечности с тем, чтобы увести нас в Вечность, они приглашают нас в другое бытие — из плоти в Дух. Потому так трудно соблюдать Заповеди, ибо это — иная жизнь. Заповеди нас «высжиживают» для вечной жизни, они не дают нам успокоиться в нашем теплом болоте. За это мы на них и сердимся.

Будьте святы, потому что Я свят, — говорил Спаситель (1 Пет. 1, 16). Святость — таинственная вещь, она открывается не многим. Но есть

здесь какая-то связь с благоразумным разбойником, иначе как же он первый в рай попал (он никак не мог туда попасть, будучи нарушителем всех Заповедей) (см.: Лк. 23, 40–43).

Нужно Бога любить и совесть чтить, а остальное — как получится. Никто не волен родиться где и когда хочет, и никто не волен над обстоятельствами своей жизни. Но именно в них, по возможности, сохранить то, что Бог вложил в понятие святости, — главная задача христианской жизни и главная ее радость.

Господь дал Заповедь *помнить день субботний, чтобы святить его* (Исх. 20, 8), и Сам ее нарушал, когда на то была необходимость (см.: Мк. 2, 23–28).

Заповеди — это не какой-то непреложный абсолют, за который заходить нельзя. Исполнение их очень желательно, ибо жизнь тогда делается по-настоящему красивой. Но нет идеала, который сбылся бы на земле, все они — влекущие.

Бывают ситуации, когда Заповедь лучше нарушить или когда Заповедь нельзя не нарушить. Например, есть Заповедь *не лжесвидетельствуй* (Мф. 19, 18), но когда ты покрываешь грех своего брата, говоря, что «ничего не было», то это может быть проявлением милосердия: с кем чего не случается... Прав Иосиф: узнав, что Мария беременна, *хотел тайно Ее отпустить* (Мф. 1, 20) (а по Заповедям ее должны были побить камнями). И так во всех Заповедях. Нужна благожелательность, нужно понимание, нужна рассудитель-

ность, потому что жизнь шире всяких ограничений. Она — вечная радость свободных тварей. Заповеди — звезды, правильно определяющие направление: сюда, к Богу, к Вечности, для всех и навсегда. Проходя вперед (ну, пусть даже в грязной обуви), нужно только идти осторожно, сильно не топтать, не забывать о благоговении, ведь впереди — Вечная жизнь.

Нарушение Заповедей возможно, и даже бывает необходимо, но обязательно — в положительном наклонении: к милосердию, к пониманию, к состраданию... Иначе зачем дана человеку совесть? Послушать совесть — это посоветоваться с Богом.

Есть она, Совесть, — вечный совещательный голос вечной рассудительности нашей души. Да будет он благословен!

Евангелие озарено радостью вечного упования, а мы, с головой погрузившись в суету, не слушаем и не слышим обращенных к нам животворящих слов. Но если мы стараемся разрешить свои трудности средствами этого мира, то в нас нет упования на Бога. И тогда мы ничего, кроме недоумения, страха, горестей, не видим. И унываем...

Сердце наше сжилось с мыслью, что благополучная жизнь, радость возможны только в благополучном мире, потому главного понять не можем. Нам всем сейчас трудно, только по-разному. Бог нам говорит этими трудностями о сегодняшнем времени что-то такое, что мы должны услышать. Но мы во что бы то ни стало хотим жить в

мире с миром, и чтобы Бог помогал нам в этом. Таким лукавством мы отстраняем Бога, любящего нас. Сердце, отравленное лукавством, лишено возможности понимания происходящего, и потому нет покаяния. Потому мы оправдываем себя, возлагая всю вину на жизнь.

Вот избавиться от такой двойственности и означает: повернуться лицом к Церкви. И тогда дальше все пойдет как надо, все начнет меняться. И слова Евангелия, которые сейчас мертвы для нас, оживут, и жизнь наша в Церкви тоже оживет. И тогда очень многие вопросы, на которые мы не находим ответов (на многие из них и нет ответов), просто исчезнут, растворятся в нашей оживающей вере.

Познание Истины является как бы некой обязанностью человека, уважающего себя. Это — поиски Бога, это — трудная работа разума и совести. Но только в таком труде человек становится человеком.

Большинство людей хотят жить, не очень веруя в Бога, хотят «веровать в душе». Но безразличие к Истине лишает человека духовного иммунитета, привлекает к нему безликую силу, которая лучше нас знает цену нашей души и человеческого достоинства, без чего жизнь сводится к простейшим формам: питание — развлечение.

А человек есть *образ Божий* (Быт. 1, 27), он рожден Богом с великим предназначением — наследовать Вечность. Потому безразличие к добру и злу обойдется ему очень дорого, ибо его душу

(то есть жизнь) бесы повлекут по страшному бездорожью. Его будут обманывать до полного изнеможения и в конце концов заставят поклониться олицетворению зла — антихристу.

Тогда уразумеет человек цену своей души и проклянет свою теплохладность. Не случайны с горечью сказанные М.Ю. Лермонтовым слова: «К добру и злу постыдно равнодушны»¹.

Что-то странное сегодня происходит: слова... слова... одни слова... Порой очень правильные, очень умные, очень нужные.

Никогда в истории не говорилось и не писалось столько слов. И странность не в том, что очень много слов, а в том, что как будто некто внимательно следит за тем, чтобы слов было много, но среди них не было бы живых, чтобы искренние и нужные слова ни в коем случае, ни под каким видом не воплощались в жизнь. Создается впечатление, что слова — это и есть жизнь. Может, потому и жизнь у нас такая странная, ненастоящая — жизнь из одних слов или безжизненные слова.

Есть лживые слова. Но правильные, искренние слова, не воплощенные в жизнь, — это тоже ложь: вот-вот... сейчас... и ничего нет... Все так остается, будто никто никогда никаких слов не говорил. И еще более странно то, что мы не перестаем им верить, снова и снова пьем мертвую воду из одних слов.

¹ Строка из стихотворения «Дума».

Сколько трагических ошибок совершалось и совершается, ибо сегодня, как и вчера, очень остро стоит вопрос перед каждым человеком: кому верить? Это очень серьезный вопрос, ибо с ответа на него начинается сознательная жизнь личности.

Наше святое Православие говорит, что Единственный, Достойный настоящей веры, всецелого доверия — Спаситель мира Христос, для всех людей и во все времена, что подтверждено опытом веков. Его Слову только и можно верить, на Него только и можно уповать. И верить только тем, кто верит в Него. Сколько было других упований, и все они оказались обманом. Как можно верить людям, которые не верят в Бога?

За то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи (2 Фес. 2, 10–11).

Они сами верят лжи и ведут за собой тех, кто верит им. *Но может ли слепой водить слепого? не оба ли упадут в яму? (Лк. 6, 39).*

Думается, что самый верный способ искать ответы на жизнью поставленные вопросы — это вникать в историю, данную в Священном Писании, Священном Предании, во Вселенскую историю во всех ее составляющих.

Всякие рассуждения о намерениях, при всех своих «правильностях» и «необходимостях», всегда далеки от реально происходящего и не

должны привлекать особого внимания человека, верующего в Бога. Они-то, реально происходящие события, и открывают нам самую суть. Нужно только внимательно сопоставлять то, о чем говорят, с тем, что делают.

В прошедших событиях всегда можно найти параллели сегодняшним. И когда человек внимательно соотносит одно с другим, он может получить ответы на вопросы как в плане личной жизни, так и общественной. История говорит так много и так убедительно, что ошибиться в оценках происходящего невозможно, ибо в ней освещается не только происходящее сегодня, но и открывается будущее, подтвержденное свершившимся вчера.

Даже для тех, кто видеть не хочет и не верует, а все только мечтает, есть очень поучительные примеры из нашей родной истории.

Вот — я, я весь — случайность: не знаю, откуда пришел в случайный мир, и Бог сохраняет меня в этом случайном мире уже много лет в самых случайных обстоятельствах, и я живу уверенностью, что и дальше так будет до какого-то, ни мне и никому не известного часа...

Но эта моя уверенность не уверена в себе, в нее прокрадываются всякого рода опасения, страхи, и потому я молюсь Богу, чтобы эти страхи исчезли, не смущали мое сердце. Молясь, я ищу мыслью моего сердца тот источник, из которого «вытек», ибо *Помощь наша во имя Господа, сотворшаго небо и землю* (Пс. 123, 8).

Все в этом мире и все в моей жизни до такой степени зависит от случайного, что никакой ум не в состоянии все предвидеть, и даже наоборот: чем я умней, тем шире предо мной открывается горизонт непредвиденностей и тем острее я переживаю за себя, за свое дело и за многое другое. Разум пытается сделать все, что возможно, и... убеждает мое сердце искать себя в молитве как единственном средстве восполнения уверенности при любых обстоятельствах. В молитве к Богу, от Кого зависят все случайности и всякое их устранение.

Ведь Бог сохранял мою жизнь столько лет в чрезвычайно случайных обстоятельствах — к Нему и молитва, на Него и надежда.

Вера в Бога и потребность в молитве присуща всем. Но если я не хочу верить в Бога, значит, буду верить в какую-нибудь нелепость вроде «веры в себя». Странно, я весь случаен, в случайном мире, при полной зависимости от случайностей и вдруг — вера в себя? Откуда такая нелепость? От гордости. Гордость — самая великая и самая досадная глупость в этом мире.

Разум требует веры в Бога, а молитвой я утверждаю себя в вере, и в уповании на Бога нахожу свое место в Божественных судьбах.

Господь любит человека и ради спасения воспитывает его, часто скорбями: *кого любит Господь, того наказывает и благоволит к тому, как отец к сыну своему* (Притч. 3, 12).

Сложность самой жизни, особенно в индивидуальном ее проявлении при индивидуальных

обстоятельствах, бесконечно превосходит возможность объяснить ее. А так хочется... Особенно сегодня, глядя на то, что происходит в Отечестве нашем. Сейчас над Россией навис международный приговор как над страшной грешницей, и по границам стоят с камнями, чтобы наказать ее. И внутри самой России идет несмолкающий разговор о великости ее грехов перед всем миром.

А моя Россия состоит из мальчишек и девчонок, которых затащили в страшные грехи обманом и подлостью. И соучастники этих обманов — «отцы народа», да и «святые отцы» тоже. Все те, кто должны оберегать детей, как свою жизнь.

Всякий человек ткет свою Вечность. *Что он сеет, то и пожнет* (Гал. 6, 7), пожнет не что иное, — только то, что сеет.

Все мы проходим через свои искушения. И никакие страдания не бессмысленны, не приходят просто так, ибо все совершается в поле Божиего зрения. Мы не должны отчаиваться, ведь Христос предупредил, что придет такое трудное время (см.: Мф. 24, 4–24). Достоинно пережить его — и есть слава Божия. И слава тех, кто это сможет.

Время — загадочное явление. Оно течет... И течение его ни от чего, кроме как от Бога, не зависит. Оно влечет нас через различные обстоятельства, которые от нас тоже не зависят, а вот мы от них зависим, и очень...

Несомненно, сегодняшнее нечестие и сверхъестественные соблазны — как проливной дождь, постоянно идущий (потопный дождь). И он ведь

промочит всех — некуда от него спрятаться. Как же нам быть? А как быть тем, кто родился и вырос под таким дождем? Ведь дождь этот — гибельный. Гибельный и для тела, и для души. И самое страшное — растление детей, которые не понимают, что их растлевают. Легко быть хорошим, когда вокруг много хороших, а вот как быть, когда все не так?

Боль сердца, совесть вопиют к Богу о помощи, о снисхождении. По человеческому рассуждению, спрос без учета обстоятельств несправедлив, должны быть «льготы». И они, наверное, будут: *всякий, кто призовет имя Господне, спасется* (Деян. 2, 21). Только призовет... Какие-то ниши приоткроются в строгом Законе Господнем. Это важно нам помнить, ибо дает какую-то надежду попавшим под проливной дождь. Бог, Благий и Человеколюбец, будет судить не только по праведности, но и по милости: *кого миловать... помилую; кого жалеть... пожалею* (Рим. 9, 15). Дни эти особенные, и потому, наверное, как-то по-особенному будет строиться ответственность. Блаженны, кому Господь не вменит греха. И, конечно же, это будут те, которые приложат все силы к тому, чтобы остаться людьми, будут стремиться к спасению.

Но сегодняшнее время знаменательно тем, что многие не хотят быть людьми — это тяжело, скучно, несовременно. Оправдывая себя, они говорят: «Время такое, ничего не поделаешь». А ведь есть в этом правда, ибо все трудное вообще сегодня стало еще труднее. По-видимому, когда

это «трудное» станет невозможным (а дело идет к тому), тогда и совершится Второе Пришествие Христа.

Границы «невозможности» сужаются, это все ощутимей... Однако, всегда во всех таких рассуждениях важно помнить: *невозможное человекам возможно Богу* (Лк. 18, 27).

Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже (Еккл. 1, 9–10).

«Новый мировой порядок»... Бог создал мир и утвердил в нем всесовершенный порядок. Порядок во всем, до мелочей. И надо полагать, логично полагать, что этот порядок необходим для жизни как отдельного человека, так и всех людей. Этот абсолютный порядок Бог также вложил в разум и совесть каждого человека, и ничего превосходней его в поднебесной не существует.

Жизнь по совести и есть настоящая человеческая жизнь. Это такая полнота, что ничего больше и не нужно... Мы сами-то к ней, к совести, как бы приложение.

И сытость, и безопасность — понятия относительной ценности (в настоящем смысле они могут быть только от Бога). Когда тебя лишают человеческого достоинства (именно это предусмотрено хартией «Нового мирового порядка»), то и сам есть не захочешь, а, может, даже и жить.

«Новый мировой порядок» — это лишь очередная попытка мироустройства без Бога, без

Христа. Это очередной (похоже, последний) бунт против Бога и Его святых законов, сохраняющих жизнь в ее самом лучшем из возможных вариантов. *Предсташа царие земстии, и князи собращася вкупе на Господа и на Христа Его* (Пс. 2, 2).

И ничего в этом нового нет.

Сегодняшние серьезные, непривычно негативные перемены в нашей жизни становятся необратимыми. Естественно, что все это промыслительно, потому и в них необходимо усмотреть положительные моменты. В чем же они?

Для нравственного самосознания верующего человека как бы закрываются все дороги... Кроме одной — к Богу. Ибо смысл жизни человеческой заключен в том, чтобы найти Бога. А нам очень хочется жить по-прежнему, бездумно, беззаботно, что становится невозможным. И мы унываем оттого, что все труднее совместить веру в Бога с «радостями цивилизованной жизни».

Господь закрывает все дороги, помогая нам не ошибиться, и делает Он это именно тогда, когда жизнь в «цивилизованном мире» становится все более призрачной, а радость в человеческом ее измерении — мизерной. Многообразные проблемы необратимого характера обступили и людей, желающих жить без Бога, что делает еще более убедительным благое о людях своих Божие усмотрение.

Важно, очень важно решить принципиальные вопросы жизни, и все сейчас тому содейству-

ет. Так в чем же печаль наша? Да в том, что вера наша не верна Богу, она прелюбодействует с миром, и потому «поражена в правах».

Воскрешение четырехдневного Лазаря преубедительно, ибо покойник смердел... Но люди все равно не поверили (см.: Ин. 11, 1–44; 12, 37–40). Не поверили, что Иисус Христос — Бог, потому что не хотели такого Бога... Им нужен был другой, свой, гордый бог, бог их представлений, «бог во имя свое». Они его сочиняли и измеряли собою, своими понятиями.

Бесконечное множество человеческих страстей породило столько искажений относительно суждений о Боге, что людям стало не под силу услышать Правду, Истину о Нем. «Они» — тогда, это «мы» — сегодня.

Вот почему Он взшел на Крест. Крест Господень — предел беспредельного самоотречения как путь к Вечности, к Богу. Крестом для человека исчерпываются и любовь, и свобода, ибо любое самоотречение — это начало любви, то есть прораствание в Вечность.

Способностью к самоотречению в полной мере определяется суть человека и безошибочно предопределяется его вечная судьба, причем им самим, его отношением ко Христу и к Его Кресту.

Крест Христов — это «Солнце правды»¹. Это вечная жизнь в любви, в том ее качестве, которое предполагает все во всем.

¹ См.: Тропарь Рождества Христова.

Тревожное время — время замечательное, с точки зрения высшего смысла. Оно, как гроза, очищающая воздух. Это время, когда мы просыпаемся от бесконечных своих увлечений, сеющих забвение нашего человеческого призвания.

Время это приходит, как погода, и на него, как на погоду, мы повлиять не можем. А вот за состояние своей души мы всегда в ответе, и потому в сегодняшнее тревожное время не обстоятельства должны поглощать наше внимание, а забота о совести. В этом соль и смысл жизни.

Совость — абсолютная ценность, она — «мерило величия человека»¹. Ничего важнее, ничего нужнее совести в мире нет. Бог нас будет судить с ее голоса.

Сегодняшние события и должны помогать нам налаживать отношения с совестью. В заботе о совести угаснут наши страсти и страхи, утвердится наш разум, успокоится наше сердце, что поможет нам с окрепшей верою войти в исполнение непреложных Божественных судеб.

Сегодняшняя нравственная катастрофа — она не только в России происходит, мир со всех сторон идет к своему концу.

Мы — христиане последних времен, вся Небесная Церковь сосредоточила внимание на нас — последних, за которыми закрывается завеса времени: *и клялся Живущим во веки веков, Который сотворил небо и все, что на нем, землю и все, что*

¹ Фраза из пьесы У. Шекспира «Цимбелин».

на ней, и море и все, что в нем, что времени уже не будет (Откр. 10, 6).

Христиане последних времен — пожелтевшие, поблекшие листья, ветром времени раздуваемые над пропастью последних искушений. Все в мире устало от мрака грехов — все тянется к чистоте вечного Света; все изнашивается от фальши и лжи — все чаёт великого очищения. Миру предстоит обновиться. Нам бы не затеряться в этом смятении стихий и событий.

Апокалипсис — это высшая степень торжества жизненной правды, очищающей землю от всякой лжи и фальши. Нам не хватает такого понимания, потому необходимо учиться (срочно учиться) не цепляться за то, что обречено.

Наша вера, вера православных христиан — самое непостижимое из всех непостижимостей. Она — невидимая сила, реальнее которой ничего в мире нет. Эта вера, живущая в наших сердцах, — вернейший залог благополучного преодоления всех искушений и обретения Бога.

Что плачешь? кого ищешь? — спрашивает Воскресший Христос Марию (Ин. 20, 15).

Все мы плачем от обиды, от досады, от боли, от страха, от потерь... Плачем и плачем. А уже Воскрес Тот, Кто устранил все печали, разрешил все болезни и недоумения, Воскресением Своим упразднил смерть. И получается: не о чем нам больше плакать, Христос Воскрес — веселие вечное!

Но как же мне не плакать, когда это все проходит мимо меня, когда это все не для меня?

Мария плакала о Христе, в Нем была ее жизнь. С Его смертью она потеряла все, а в Воскресении все обрела: «непрестанный глас празднующих... зрящих лица доброту неизреченную»¹.

А что же я? Все это могло бы быть и для меня, только вот плачу я не о том, о чем единственно стоило бы плакать, и ищу не того, чего единственно стоило бы искать. Оттого и нет в моем сердце радости. И слова: о чем плачешь? кого ищешь? — звучат укором моему неразумию, будят меня ока-янного, призывают к разуму моего сердца.

Все мы — неисправные грешники, и странно нам слышать: помолись за меня. Сказано: *Бог грешников не слушает* (Ин. 9, 31). И, тем не менее, Святая Церковь понуждает нас к молитве, видит в молитве важнейшее дело, считает молитву центром духовной жизни.

Наверное, Божественная благодать, всегда «немогущее врачующая и оскудевающее восполняющая»², самой молитвой врачует и восполняет. Молитва человека к Богу — единственная возможность побыть человеком.

Молитва призывает к действию, животворит мертвую душу, возгревает Божественную Любовь, для которой нет ничего невозможного.

Даже если Господь не слушает грешника в его неразумных желаниях, Он освящает его в его молитве. Молитва и есть Благодать.

¹ Ср.: Молитва 5-я, св. Василия Великого, из молитв утренних.

² Из чинопоследования рукоположения во священники.

Оправдание человека в его неправде состоит в том, что человек слаб, и потому всегда как бы «падает», при этом, естественно, цепляется за все, что под руку попадает.

Вообще-то всякий хочет быть хорошим, умным, добрым, правильным, но обстоятельства жизни не всегда этому способствуют, и человек в своем воображении представляет, что немощь его случайна, что произошло все нечаянно, это временно, это не настоящее. А настоящее — в его желаниях, в чем и живет его душа. Потому немощь человека интуитивно (инстинктивно) тянется к неправде, как к правде, ибо желание правды природно и оно все преодолевает — и разум, и волю.

Крест Христов и есть оправдание человека в его неправдах, ибо Он — напоминание о бесконечной Любви Божией к падшему человеку. Крест Христов восполняет все недостающее в человеке при наличии веры в Сына Божия Господа нашего Иисуса Христа.

Наши немощи... Они нам очень нужны. Они — настоящее наше богатство при определенных условиях — при разумном, сердечном их признании: *Блаженны нищие духом* (Мф. 5, 3).

Ничто другое не в состоянии научить нас пониманию, состраданию, любви, всему тому, что несет в себе верный залог вечного спасения. Это необъяснимая, трудно выражимая радость, пронизывающая все и всех в Церкви. Это и есть та дивная Благодать и вечная музыка, которую слушают немощами пришедшие в себя.

Все благословенно, что научает Любви!

Православная традиция говорит, что жизнь человека предопределена к развитию в нем личностного духовного начала и укрощению низших влечений души.

Человек обязан трудиться над своим сердцем, только в таком труде он — человек. От неумения, от нежелания бороться с собой происходят все конфликты человека с жизнью и людьми, ведет-ся глупая и злая война с ближними и дальними.

Некуда деться от жизни, смыслом которой является борьба за вечную жизнь, за достойное в ней участие. Это трудное дело перестает быть таковым, когда становится образом существования, что полностью оправдано разумом и настолько естественно, насколько естественно жить: *ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко* (Мф. 11, 29).

Но кто не хочет этой войны за свою собственную жизнь, тот все равно не останется в покое. В лучшем случае будет видимость сего, а в худшем — восстание против Бога (открытое или скрытое), о котором «нормальный» человек, живущий вне Церкви, даже не подозревает.

С обмана началась земная история, и вся она переполнена обманами. Все люди бегут за миражами своих (а может, и не своих) мечтаний, ищут легкой жизни, и сколько ни ищут — не находят.

Знание Истины освобождает от обманов: *Познайте Истину, и Истина сделает вас свободными* (ср.: Ин. 8, 32). Ничего другого нет и быть не

может. Нас в рабстве держит ложь, и ее иго — самое жесткое, ибо это иго сатаны (*он — ложь и отец лжи*. — Ср.: Ин. 8, 44). Нет в нем истины, значит, ничего в нем нет — одно воображение, пепел прогоревшего костра.

Человек — тварь богоподобная, и свобода его — неподдельная. Потому мучения его будут настоящими, если он не возвратится к Богу.

Бесы сильнее нас, они умнее нас, они больше знают о нас, чем мы о себе. Они знают о возможностях и опасности свободы, дарованной нам Богом, и потому постоянно искушают нас, желая увести от Бога, чтобы «Богу досадить» и нас погубить.

Оторвавшись от Бога, мы обречены на бесконечные обманы, ибо Бог есть Истина, Он — Единственный, Который есть, все только и есть, что с Ним и что в Нем. Все остальное — обман, то есть безопорное бытие, бесконечное падение в пустоту. Бесы захотели жить без Бога и теперь они мучаются своей «самостоятельностью» и из-за зависти и досады мучают нас.

Душа всякого человека тоскует по Богу крепкому, живому, по Богу, Который помогал бы нам строить жизнь в ее благополучном варианте, хотя мы к благополучию более всего неспособны. И реальность несколько иная, что и понуждает многих людей полагать, что Богу не до нас. Многие, «в душе» верующие в Бога, в жизни Его сторонятся.

Все дело в том, что мы Бога хотим видеть живущим нашей жизнью, исполняющим наши желания. Оно бы так и было, если бы мы жили Богом. Но наша беда в том, что у нас главное не на главном месте, и потому весь строй жизни приведен в беспорядок, от которого устает наша душа, изнемогает наше тело, приходят в тупик наши мысли.

Вера живет в будущем времени, она им живет. Живет ожиданием грядущих событий, последним из которых будет Второе Пришествие Христа Спасителя, за Которым закрывается завеса времени.

Таким образом, ожидание — сопроводительное явление времени. Но все ожидания «преходящи», кроме исполнения всех ожиданий — Пришествия Христова.

Нечем жить, если не ожидать... Ожидание — это наполнение жизни смыслом, и потому вся дисциплина жизни в Церкви подчинена ожиданию Христа — Спасителя, в Ком полнота высшей радости. Ожиданием радости всех радостей просят все горести текущей жизни.

Ожидание Христа Спасителя — апогей нашей веры и надежды!

А Апокалипсис — куда деваться? Нужно его пережить, ибо он — творение наше. Мы столько наделали ошибок, что стало необходимо привести жизнь в соответствие с каким-то элементарным порядком, а это без боли не бывает.

Видимо, надобно, чтобы люди увидели дела рук своих не в том придуманном мире, что нагородили в умах своих, а в том, что представляют собой эти дела по сути.

Всемогущество Божие проявляется не столько в движении стихий, в преодолении законов естества, в изменении событий, сколько в том, чтобы изменить сердце человека и научить его терпеть, смиряться и любить. То есть совершается самое главное дело жизни — спасение от греха (растления).

Свидетельств Божия присутствия в сегодняшнем нравственном погроме — великое множество. Но мы привыкли «не туда смотреть», и потому не ощущаем нашего смиренного Бога, кротко стоящего возле каждого из нас и всматривающегося в веру нашего сердца, чтобы помочь ему... терпеть, смиряться и любить.

Он, Который *трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит* (Мф. 12, 20), совершает Свой суд над каждым из нас, и это нам помнить сегодня чрезвычайно важно. Нельзя перестроить обстоятельства, изъять нас из них, чего мы очень хотим, а нужно изменить наше отношение ко греху, с которым мы сроднились

И беды, и скорби, которые обступили нас, — все посеяно и возвращено нашей гордыней. И мы должны смиренно пожинать этот урожай.

Когда светит солнце — все оживает, даже грязь бывает какая-то веселая. Под солнцем радуется и скорбная, больная душа.

Вообще, радоваться нужно уметь (учиться). Нет и не может быть в мире такой скорби, которую бы Свет Христов не претворил в радость, нужно только веровать в Бога: *веруйте в свет, да будете сынами света* (Ин. 12, 36).

Беды, скорби, вся злоба мира — это замечательное пособие в познании сути жизни. Сегодняшнее вулканическое извержение греха и все последствия, которые он тянет за собой, объясняют сомневающимся, что грех есть зло, зло настоящее, и уничтожить его может только Бог.

Мы не любим Бога, Его святые Заповеди считаем железными оковами, тюрьмой, омрачающей нашу временами сладкую греховную жизнь. Какое-то непреодолимое наслаждение испытываем от своей самости, гордыни, тщеславия, похоти. Для нас, облеченных во все мыслимые и немыслимые пороки, и Свет Христов — мрак. И это все — в душе каждого из нас. А ведь мы называем себя христианами. Серьезные вещи совершаются на дне нашей души, они требуют чрезвычайного к себе внимания, с которого и начинается настоящее покаяние. Как важно все делать вовремя, как важно успеть!

Покаяние — это обожествление, совершающееся на земле и во времени. В этом его сверхъестественность и настоящее чудо. Так много зависит от него в сегодняшней нашей жизни, и все — в завтрашней.

В Евангелии есть такие изречения, которые не вмещаются в сознание грешного человека, озада-

чивают его своей непостижимостью, своей неисполнимостью... Как же быть?

В Евангелии как бы два полюса, два предела: один упирается в небо, а другой — в землю: *плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24) и *кто даст чашу холодной воды, не потеряет награды своей* (ср.: Мф, 10, 42) (не умалится в наказании, а не потеряет награды). Евангелие говорит о бесконечном Божием милосердии к грешным людям. Значит, какими бы слабыми мы ни были, должны надеяться.

Грех силен, но покаяние непреодолимо. Оно доступно всем и может оказаться больше всех духовных даров. Любовь Божия, Крест Христов — это и для меня, и потому, как говорил преподобный Серафим приходящим к нему, «нет нам дороги унывать»¹.

В Православии нет секретов, но есть тайны, поэтому Евангелие предлагает воспринимать жизнь по-детски (см.: Мф. 18, 3), ибо в познании тайн жизни мы всегда дети, и как бы многие гордые души ни пытались вскрыть тайны бытия, ни у кого ничего не получилось. Наше желание быть как боги, чтобы все понять, безрассудно, ибо конечное и несовершенное есть нам приговор.

Понять этого не может гордость, когда, не уразумевая простого, покушается на сложное. И те противоречия, которые терзают наши души, от-

¹ *Левитский Н.* Житие, подвиги, чудеса и прославление преподобного Серафима, Саровского чудотворца. М.: Отчий дом, 2007. С. 93.

части созданы нашей гордыней — мучаемся тем, чего нет нужды разрешать.

Разум светит нам, чтобы не споткнуться в темноте на нашем коротком пути, большее ему недоступно. Мы — всегда дети, очень важно это не забывать. И в этом мире — мы в детском саду, в котором нас готовят к вечной жизни.

Человек волен путешествовать везде, но смысл путешествий — возвращение домой, в свое Отечество, с багажом впечатлений, для того, чтобы свою жизнь дома сделать значимее, интереснее.

Но совершенно бессмысленно путешествовать, забыв о доме, об Отечестве... Зачем и для кого бессмысленное хождение по жизни?

Сегодня супермаркет — это как храм, а купля-продажа — как священнодействие. Имитация храма и священнодействия приводят к омертвлению души — душа под такой «аккомпанемент» имитирует жизнь. А настоящая жизнь — в настоящем Храме при настоящем священнодействии. В нем — и настоящая радость. Мы пренебрегли Богом и потеряли эту радость, и теперь пустое нам представляется значительным.

Можно так подумать: праведный Иов есть собирательный образ всего человечества. Оно всегда страдает и вопиет к Богу в тех же выражениях, в каких Иов высказывал боль своей души. Он страдал не столько от боли, сколько от недо-

умения, ибо корень страданий — в душе. Он не понимал происходящего, и это его более всего угнетало. И только весть о Пришествии Христа Спасителя успокаивала его (см.: Иов. 19, 25).

Человечество много страшней страдает, чем праведный Иов, ибо страдает в бесконечном многообразии сатанинских измышлений, попирая естественную любовь к себе подобным. И эта боль врачуетсЯ ожиданием Второго Пришествия Христа Спасителя, когда совершится торжественное упразднение зла.

Две лепты вдовы (Мк. 12, 42–44)... Она положила все, что имела. Никто не знает, кем она была раньше и как она жила, дойдя до такой крайней бедности. Евангелие нам об этом ничего не говорит, видимо, не это важно. Важен дар, который она принесла, им она ублажила Бога.

Но как бы ты ни жил и на что бы ни растратил свое «имение», важно то — хочется думать, — что ты сейчас приносишь Богу измотанное грехом свое окаянное сердце в искреннем покаянии. Все, что осталось, как две лепты вдовы.

Только это сейчас и важно!

Ничто так не печалит нас, православных христиан, как то, что мы оказались «с краю». Все скорби и беды апокалиптического времени «стоят и смотрят на нас, засучив рукава», и ждут... начала конца.

Всего этого очень боялись святые отцы, радуясь тому, что они не доживут до этого времени.

Они, святые, боялись... А как же быть нам, грешным?

Не может такого быть, чтобы мы, родившиеся сейчас по воле Бога, были обречены на гибель. Судия всей земли не может быть несправедливым. Беды отменить нельзя, но есть помощь и снисхождение... *Блажен, кому Господь не вменит греха* (ср.: Пс. 31, 2; Рим. 4, 8), — грех есть, а он не вменится...

Грех — единственный страх и единственная печаль. А все остальное — восстановление Правды Божией. Выше, чище и значительнее торжества никогда не было и больше не будет. Принимать участие в этом торжестве есть «праздников Праздник и Торжество из торжеств»¹.

Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее (Мф. 16, 18).

Я с вами во все дни до скончания века (Мф. 28, 20).

Значит, Святая Церковь Христова при самых тяжелых обстоятельствах будет. При всем внешнем и внутреннем нестроении она одна будет стоять. Вопреки всем кажущимся невозможностям, она одна все-таки будет возможна. Конечно, не в силе, не в славе, как всегда хочется мыслить о Церкви. И географически, и количественно, и качественно будет ее уничижение до последнего предела, ибо Церковь идет путем Креста. В рас-

¹ См.: Ирмос 8-й песни Пасхального канона.

терзанном грехом мире не может быть благополучной Церкви.

Церковь — *царство не от мира сего* (ср.: Ин. 18, 36), и потому в ней все «не так». Живя в ней, отдавая — приобретаешь, истощаясь — восполняешь, теряя — находишь, потому так трудно войти в нее человеку с развитым плотским мышлением, с развитым плотским чувством. Человеку, который сильно пророс в плоть, Церковь кажется нежизненным пространством, ненужной пустотой, подобно той, которую мы видим у себя над головой.

Но Святая Церковь — невидимый мир, на котором все стоит, как звезды на тверди. Она — твердь реального мира.

Вера сама в себе необъяснима, вроде, и опереться ей в человеке не на что. Пустяки, с точки зрения «здорового смысла», поддерживают ее.

Но «здравый смысл» всегда стелется по земле, видит только землю и то, что на ней, — он так устроен. При этом странное он на нас оказывает влияние. Очень многое в жизни, очень важное, совершается вне «здорового смысла», и он признает это, как признает и веру, только почему-то как птицу без крыльев: вера есть, но без Бога. Это, наверное, потому, что практичный ум не видит неба, оно для него не существует.

Все люди как бы расходятся по двум дорогам (некоторые, правда, сидят на перепутье, но и они мысленно на одной из дорог). Одна дорога

ведет на небо, другая стелется по земле. И дорога на небо для «здорового смысла» безопорна. Но она имеет очень твердую опору внутри человека, услышавшего в своем сердце тихий звон колоколов Небесной Церкви.

Бесконечность требований Заповедей открывает нам вечную перспективу познания совершенства. Это как бесконечное небо над головой.

Огромен, непостижим окружающий мир. Нас не раздражает бесконечность океана и воздуха, только удивляет, порой вызывает благоговение. Такое же чувство должны бы вызывать и Заповеди, если бы не было в нас семени греха. Оно то и омрачает наши нравственные перспективы, мешает нам видеть дорогу к Любящему нас Богу.

Окружающий мир зовет нас к пониманию своей души, которая, как и мир, — бесконечна. Человек — бездна, и Заповеди — бездна, они зовут нас к постижению этого. А мы мерим их ограниченным естеством своим?! И порой унываем от того, что не можем «объять необъятное».

«**Л**ицом к лицу лица не увидать — большое видится на расстоянии...»¹. Настоящее, ценное в жизни чаще открывается нам при утрате, и особой своей стороной раскрывается в прощании, ибо ничего торжественнее, значимее прощания в жизни не бывает.

¹ Строки из стихотворения С. Есенина «Письмо к женщине».

В момент прощания что-то в душе вырастает такое большое, — оно есть настоящее. И тогда проявляется суетность, пустота бывших желаний, мелочность обид, огорчений, которые представлялись такими серьезными, так мешали жить... А с другой стороны, недостаток внимания, великодушия, искренности, доверия, холодность и надменность вдруг ощущаются в душе как колючая проволока.

Точно промелькнет вся жизнь в момент прощания...

Как легко совершать ошибки! Как тяжело, а порой невозможно, их исправлять... А если прощание навсегда, то при каждом воспоминании — непреходящая боль души.

Прощание властно снимает завесу с нашей совести. Оно как суд прожитой жизни, научающей нас ценить время и людей.

Тайна времени — тайна удивительная, такая вразумительная для тех, кто внимательно присматривается к ней. И от того, как человек воспринимает время, зависит качество его жизни. Можно прямо сказать: только от этого и зависит.

Время как бы изменяется под внимательным взглядом человека и, будучи одним и тем же для всех, очень по-разному может восприниматься отдельными людьми...

Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы (Еф. 5, 15–16).

Своей неувимостью они обольщают, увлекая в радости временной жизни, а потом вдруг исчезают так быстро, будто их никогда и не было. А что же было? А был сон. «Исчезают дни мои, как сон востающего...»¹.

Жизнь сильно изменилась в неприятную для нас сторону. Мир сегодня — в агонии прелестей греховных, тонет в болоте греховных вожделений, и очевидность этого — великое благо, ибо понуждает нас ничего в своей жизни с ним не связывать.

Это трудно. Но в вопросах нравственности, совести легко и просто никогда и никому не было и не может быть: *тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь* (Мф. 7, 14).

«**К**рестом прииде радость всему миру»², и нам остается только войти в радость Господа своего. Она уже есть, эта непреходящая радость, она навсегда и для всех.

А мы не спешим... А мы не можем... У нас свои радости, которые мы не хотим оставить...

Какие замечательные слова: «радость всему миру», всем, всем, всем — настоящая радость! Эта радость освящает всю жизнь, ее-то нам и не хватает.

В свете Креста Господня вся наша многоскорбная жизнь, все ее утраты, все искажения, вся

¹ Ср.: 1-й тропарь 7-й песни Великого покаянного канона св. Андрея Критского, в четверг первой седмицы Великого поста.

² Ср.: Воскресная песнь «Воскресение Христово видевше...».

злоба человеческая, помноженная на злобу бесов, — детская игра. Вот, наверное, почему в Апокалипсисе звучат нотки радости преодоления всей мировой и надмирной злобы: «И Бог будет всяческая во всех» (см.: Апок., гл. 21–22).

Трагичность сегодняшнего времени, трагедия Апокалипсиса — в нашем неверии Богу. Все свершилось, все преодолено, за все уплачено! Но в нашем сердце тайна греха, тайна свободы преодолела тайну Божественной Любви, и потому нам очень трудно войти в тайну веры. Так трудно, как трудно вернуться в детство. Но *если не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф. 18, 3).

Православие — это упорядоченность, управляемость в стихии жизни, это высшая ее разумность, претворяющая жизнь, появившуюся во времени, в Вечность. Это высший творческий акт Бога — Любвию Креста претворять временное в вечное. И этот творческий акт не бывает безболезненным. Но и безрадостным он не бывает. *Женщина, когда рождает, терпит скорбь... но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир* (Ин. 16, 21).

Мы все, живущие на земле, носим во чреве своей жизни Вечность. Православие — благополучный выход в Вечность. Православие — это союз человека с Вечным Богом. Поручителем, гарантом этого вечного союза является Христос и Его Святой Крест.

Что на сегодня главное? Сохранение Православия и спасение России. Спасать нужно то, что можно спасти, что зависит от нас, за что мы отвечаем непосредственно.

Думается, сегодня нужно обратиться к своей душе, сосредоточиться на ней. В действительной жизни все по-настоящему значимое заключено в зародыше искреннего покаяния, что и есть забота о своей душе. Без такого личного лечения мы не поймем того, что необходимо сегодня понять.

Все силы души необходимо сосредоточить на себе, на своем. Все другое — обман. Только через себя мы можем выйти на что-то полезное, если оно в планах Господних. И тогда как бы сама собой, без нашего, казалось бы, активного внешнего вмешательства, возродится дорогая нам Россия и сохранится наше Православие, которое есть душа русского человека.

Содержание

«Едино же есть на потребу»	3	Святая Церковь.	57
Кто как верует.	5	Мудрость веры	60
Добро и зло	9	Духовная грамотность . . .	63
«Светильник тела есть око»	11	Горькие плоды тщеславия	66
Евхаристия в жизни	14	Страсти	68
Слепота ума	17	О смирении	70
Божественное Откровение	20	Страх Божий	72
Неповрежденная простота.	24	Великий дар Божий — жизнь	74
«Победа, победившая мир»	26	Безразличие к Истине есть соучастие в «тайне беззакония» . . .	77
Искушение разумом.	29	Великая ложь сегодняшнего времени . .	79
Дар покаяния	32	Об истинной свободе	82
«Сыне, дай Мне твое сердце»	34	О прелести	86
О самарянке	37	Сценарий на вечность. . . .	89
Общественное мнение. . . .	40	Духовное землетрясение . .	92
«Камень, Который отвергли строители»	43	Понять человека	94
Неисповедимая Любовь Божия	47	Красота невыразимая	97
Музыка души	51	О человеческом достоинстве	100
«Испытайте самих себя, в вере ли вы?»	52	О христианском призвании	103
Церковь как общий дом. . .	54	«С нами Бог!»	105
		Мысли вслух	107

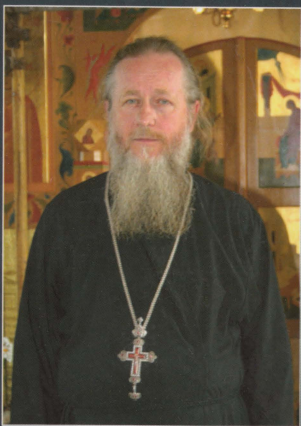
Протоиерей Иоанн Гончаров
ПРАВОСЛАВИЕ СЕГОДНЯ

Редактор М. Ф. Земцова. Дизайн обложки В. Катина
Верстка Т. И. Даньшина. Выпускающий редактор Л.В. Бутримова

Подписано в печать 17.12.14. Формат 84х108/32
Физ. п. л. 5. Тираж 10 000 экз. Заказ № м1256(К-8м).

ООО Издательство «Отчий дом»
119017, Москва, Старомонетный пер., д. 9, стр. 1
Тел. 8 (499) 261-18-87

Отпечатано в филиале «Смоленский полиграфический комбинат»
ОАО «Издательство «Высшая школа»
214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1
Тел.: +7 (4812) 31-11-96. Факс: +7 (4812) 31-31-70
E-mail: spk@smolpk.ru http://www.smolpk.ru

*Несмотря на многие скорби,
постижение мое окаянство,
считаю себя счастливейшим
человеком,
ибо полагаю, что нет
другой такой радости,
как посильно служить Богу,
поскольку в этом служении,
как в «белом свете»,
содержится вся радуга цветов
служения людям.*

Протоиерей Иоанн Гончаров